

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

80

7

«СТРОГАЯ МАМА».

Рис. О. Отрошко

ПЕСНЯ О ДЕРЕВЕ

Рис. В. Карабута

Такой же, как он, Шайпак, гармонист, но только маленький гармонист, Ничипорка, круглолицый, с большими, удивительно наивными глазами, помаргивавшими так, точно закрывал Ничипорка глаза на секунду-другую сна, был стражем школьного музея в Иканах. И ему, стражу, ключнику, самому главному следопыту, писал Шайпак письмо с секретной просьбой: на вечерок, на ночь отомкнуть музей в Иканах и дать ему распрощаться с гармонью. Временно дать гармонь, которую он, Шайпак, нашел и подарил музею! Эта гармонь пролежала тридцать лет на болотном острове и уцелела, эту гармонь там, в партизанах, на болотном острове, он брал в руки и, еще такой молодой, такой черноволосый, музыкой всех потрясал! И живой Будчик, живой Стрем-

ко, живой Моховец — как они слушали, как встряхивал каждый чубом...

В том сорок четвертом году, в апреле кажется, окончилась музыка для Будчика, Стремко, Моховца. Да и гармонь была повешена фашистами! Как будто живую могла быть гармонь! А так и случилось. Каратели блокировали всю партизанскую зону вокруг озера Палик. Они нагрянули из Борисова, из Зембина. Отовсюду танки пошли против партизан. И, в спешке покидая болотный остров и вынося на плечах раненого Будчика, который ухватился за его шею так, что мог задушить, Шайпак забыл о гармонии. Не до музыки было! А когда, похоронив Будчика, который защитил его, потому что принял в спину шальную пулю, Шайпак вместе с другими небритыми и отощавшими партизанами воротился на покинутый карателями остров, то услышал

2

сначала, как кто-то на острове протяжно вздыхает. Шайпак поднял голову: на вязе раскачивалась повешенная карателями гармонь. Он уже знал, что каждый из карателей брал в поход, кроме оружия, и пятиметровый шнур, на котором собирался повесить партизана. Но ушли живые партизаны, остались лежать лишь мертвые, и каратели взбесились оттого, что некого вешать. Кто-то из них, особенно лютый, схватил гармонь и, подтягиваясь по бугристой стволу дерева, повесил ее на белом шнуре. Шайпак различил даже на коре свежие следы от немецких ботинок. Он тут же бросился к дереву, и, пока взбирался по метенному царапинами стволу, гармонь под порывами апрельского ветра то вздымалась, то рыдала. Блокада еще не кончилась, еще могли появиться каратели здесь, на этом острове, и надо было уходить на другой остров, и нельзя брать гармонь в поход, потому что в походе опять придется нести на плечах товарища. Шайпак, чтоб сохранить гармонь, туго сжал мехи, всю ее опоясал шнуром, скинул с себя кожаный гармонь упрятал в кожаный. Потом он перепоясал тую шнуром и, поймав взглядом большой, хвоянками засыпанный муравейник, сунул гармонь в самую середину теплого, кишевшего муравьями холмика. Хранись тут, музыка, хоть день, хоть десять лет!

А оказалось, не десять, а тридцать лет. И сохранилась, лишь пуговки ее потускнели да мехи облезли, приобрели вид отсыревшей кожи. А так — ни дырки, все в целости, и боязно даже растянуть эти линялые мехи, боязно пробудить старую гармонь старой песенкой: «По-сле тревог спит го-ро-док...» Да и как дотянешься до гармони, если она историческая, музейная, если она в Иканах, в школьном музее, рядом с ржавыми касками, патронами, карабинами!..

Но если хлопцы в распахнутых полушубках, в трофейных сапогах глядят отовсюду, со всех полотен, созданных им, если они, мертвые, живы и теперь, то не сыграть ли для них на той гармонии, на той самой гармонии, под которую хлопцы веселились и тосковали!

И Шайпак, заклеивая письмо, определенно знал уже, что каждый из людей может путешествовать, перемещаться вольно в своем прошлом, если знает тот единственный для себя секрет, с помощью которого и попадаешь в свою молодость.

Ничипорка перечитал письмо, моргнув глазами, как бы засыпая на секунду, сунул его в карман замшевой курточки и горячо возразил приятелю Олегу, стоявшему в ожидании рядом:

— Нет, это не в музей, это мне лично! Были они с приятелем Олегом чуть ли не главными писарями в переписке ребят с другими следопытами, даже с ребятами из других стран. И сами читали несметное количество писем, сами порою разрывали нетерпеливыми пальцами конверты, наверняка ожидая в каждом письме интересной вести, несущей новую разгадку.

Но теперь, взглянув на Ничипорку маленькими лиловатыми глазами, Олег пошел прочь.

А у Ничипорки нарождалось такое чувство, точно письмо, спрятанное в кармашке, жжет грудь. Гармонист зовет гармониста! Партизан, разведчик, художник, старый гармонист придет в полночь из Борисова. Он просит открыть музей и дать ему его же старую гармонь — только на время, и чтобы никто другой не слышал музыки в полумночных залах музея!

Как все совпадало с его, Ничипоркиным, планами, как множество раз и сам он подходил к гармонии со слегка растянутыми мехами, лежащей на виду, не под стеклянным колпаком, и крайним напряжением сил удерживался от того, чтобы не взять потускневшую, облезлую гармонь и не заиграть что-нибудь военное! Так хотелось пробудить партизанскую гармонь и вроде стать на мгновение Шайпаком, которого он обожал. Очень он любил черноглазого, глядевшего на людей всегда с загадочной, неясной, словно за что-то извиняющей их, улыбкой Шайпака.

Оставаясь в музее один, Ничипорка недоумевал, почему Шайпак, не расставившийся с этой гармонью в партизанах, так никогда не попросит отпущенной все песни гармонии.

Он, вновь и вновь перечитывая письмо, почему-то останавливался на первых строчках: «Здравствуй, Ничипорка!» Звали его Никифором, а по-белорусски — Ничипором, а дома и в школе — Ничипоркой. Но особенно приятно, если обожаемый тобой человек тоже обращается к тебе как к своему другу...

А друзьями стали они еще прошлым летом, когда большим ребячьим отрядом шли в поход, ведомые Шайпаком, и брели болотами, пачкая голые ноги в коричневой

жиже, и спали на островах, окружив шалаши свои ночными островами, и снова тыкались в болотные острова, поросшие кинжалной осокой, — все искали тот остров, где хранилась гармонь. Наверное, Шайпак никогда не отпавился бы на поиски один, он давно похоронил друзей, пускай и гармонь останется похороненной, да только настойчивые и неугомонные следопыты, узнав от него о гармонии, выбрали знойные дни лета, упростили партизана и потянулись за ним цепью. Станным казалось, что Шайпак сразу вывел на партизанскую базу, на остров, где вросшие в землю земляники остались невредимыми, а вот земля острова изменилась: ольшаником поросла, муравьиными курганчиками умножилась, а где же тот старый муравейник! Помнится, Ничипорке даже показалось, что Шайпак бережет от всех тайну своего муравейника. Может быть, Шайпаку было бы очень больно смотреть на испревший клад!

Но когда Шайпак сам осторожно сунул руками в длинных, с раструбами, перчатках мотоциклиста и вдруг в одно мгновение выхватил из муравейника под вязом и моментально же извлек из черного кожаного гармонь, то все так и замерли, все так и ждали, что гармонист, небритый, словно измученный за два дня поздней, послевоенной разведки, тут же заиграет, заиграет...

Напрасны ожидания; уставший гармонист легонько тронул гармонь, сдунув с нее пыль десятилетий, легонько вызвал тихие, осторожные звуки, сжав ее плотно, сказал приготовившемуся к веселью войску, что гармонь цела и что он дарит ее — не для игры на ней, не как музыку.

Да и верно: какая это музыка, если с тех пор стоит она в музее рядом с минометом, рядом с токарным станком, на котором партизанский оружейник вытачивал наганы, рядом с выцветшим стягом!

И все же, если войско следопытов не услышало прошлым летом плача гармони, то все равно старый гармонист развернет ее, и ему, Ничипорке, суждено услышать ту музыку, что воодушевляла людей на полянах, на болотных островах.

Но столь велико было его нетерпение и столь велика боязнь за Шайпака, который вдруг передумает или которому помешают выехать из Борисова нелепые обстоятельства, что Ничипорка, прислушавшись к тишине просторных залов деревянного музея и убедившись в безделье здесь, посмотрел на окна, освещенные предзакатным солнцем, на стены в золотых солнечных геометрических фигурах и твердо, решительно подумал о том, куда бы лучше спрятать гармонь: то ли в свой футляр от баяна, то ли...

Он моргнув, закрыл глаза, как бы дая

себе секундный сон, а на самом деле решая все бесповоротно.

3

Как только Людвиг Шайпак распахнул дверь и увидел Ничипорку и футляр в его руках, то понял тотчас, что звонок пропел для того, чтобы через мгновение запела старая гармонь. А уж он, Шайпак, сразу определил по весу футляра, что гармонь вернулась к гармонисту и что Ничипорка очень верно угадал его нетерпение!

Он еще раз посмотрел на гармонь, держал ее, живую, в руках и вдруг понял, что не сможет сыграть, как бы ни хотел того.

Он мог держать гармонь, узнавать ее пальцами, но была она все-таки чужою для него, музейной, школьной, святой.

Кажется, уже и Ничипорка понимал, что напрасна была затея и напрасен путь, и Шайпак виновато пробормотал:

— Спасибо за гармонь. Я хоть поглядел на нее внимательно. Знаешь, брат, я тебя одного в дорогу не пушу. Все-таки гармонь! Да и ночь уже. А рано, еще и светать не начнет, сядем на такси — и вдвоем в Иканы. Я давно хочу дерево посадить в нашем парке возле школы. Где бюсты героев. В честь нашей Победы!..

4

Направляясь в Иканы на рассвете, когда полнеба охвачено малиновой росписью и непонятно, откуда взойдет большое солнце, Шайпак, придерживая футляр, скользивший по сиденью от него к Ничипорке, чувствовал такое спокойствие, точно вдоволь натешился гармонью, все прежние песни сыграл. И не помолодел, конечно, нет, все такой же оставался, а только еще более страстно хотел жить. Война оставила ему жизнь без партизанских друзей, но теперь еще увереннее утверждалась в нем мысль, что он все-таки живет ради погибших. Основной стержень, основной смысл жизни был в том, чтобы возвращать кистью забытые лица не вернувшихся из разведки, с задания, погибших в гестапо, в петле или от собственной гранаты! И когда ребята, получая от него новый дар, спрашивали, кто же это здесь, он называл имена, а ребята не знали таких героев, и он сам не знал о дальнейшей судьбе героев, лишь их имена, и ребята, называвшие себя следопытами, начинали поиск и порою долго шли, призывая на помощь другие музеи, военкоматы, живых партизан, их комбрига Лопатина, — и так, через десятилетия, продолжали боевую летопись.

Он покосился на Ничипорку, выспавшегося до нежнейшего румянца на круглых щеках, прочитав в его больших и грустных теперь глазах сожаление и понял это сожа-

ление, понял и захотел хотя бы где-нибудь в Иканах, музее, на всю жизнь подарить хлопчику что-нибудь из военных песен, сыгранных на военной гармонии!

И когда проезжали местечко Зембин, где стоял последний перед партизанской зоной немецкий гарнизон, Шайпак хотел кивнуть на здание бывшей комендатуры, да Ничипорка смотрел лишь вперед и все находил-ся как бы в трауре.

Тогда Шайпак одним лишь голосом, без слов, запел одну из песенок о войне, думая в это время о Ничипорке, о его друзьях-следопытах, составляющих целую дивизию, которая принимает летние отряды следопытов из Минска, Борисова, Вильнюса и даже из словацкой столицы Брно, — удивительных этих ребятах, превративших Иканы в место паломничества.

Дорог был ему Ничипорка, дороги были и все остальные из детской дивизии, так близки, дороги и понятны высшим смыслом своего существования!

5

Они вовремя вошли в музей, уже светлый от поднимающегося солнца, вовремя ступили в его высокие залы, где стук шагов отдавался так отчетливо, и вовремя извлекли из футляра гармони и поставили среди пулеметов, касок, патронташей.

Вовремя! Потому что уже поспешал к музею Ничипоркин приятель Олег.

Подойдя к окну, разделенному на множество форточек, как на стеклянные соты, художник смотрел на энергично шагнувшего Олега и вновь поражался тому, как ребята превращают Иканы в заповедник партизанской славы: уж если роща вокруг музея, то каждое дерево с табличкой, где помечено, в честь кого посажено дерево, а уж если аллея, то это аллея героев с бюстами бессмертных храбрецов.

— А, художник наш! — по привычке шумно приветствовал его Олег. — Картины на самом видном месте. И открываем филиал музея. Тесно уже нам! Так что, если будет что новое, не откажите. Воскресенье сегодня, а столько дел. Тут экспозицию по-другому надо перестроить, так, чтоб всю площадь музея умно использовать.

— Да ведь три зала! — воскликнул Шайпак с улыбкой, узнавая прежнего Олега. — Площади хватает — и площади не хватает! Все надо немного по-другому. Переставить, выиграть какой уголок... И все сегодня, сегодня, в один день, потому что сегодня автобус из Вильнюса!

— Пожизненные партизаны... — проговорил Шайпак, не рассчитав своего голоса. — Все мы пожизненные партизаны. Каждый из нас. И стар и млад...

А Ничипорка, взглянув на него преданно, шепнул, чтоб не было слышно в тех

залах, где, казалось, бродят и переключаются:

— И когда только уйдет наш Олег!

Шайпак же, догадавшись о прежней надежде похитителя гармони, сказал быстро и неоспоримо:

— Нет, Ничипорка, нет. Не смогу.

— Никогда! — жалко, дрожащим голосом спросил Ничипорка.

— Никогда, хлопчик, — жестко отвечал Шайпак. — Не вернешь молодости. И хлопцев, хлопцев не вернешь. Хотя они все и тут. — Он стукнул пальцами в сердце. — Они мне дороже всех, Ничипорка.

«Ну, как бы ему еще точнее сказать!» — мучительно подумал он, глядя на покрасневшего зрителя музея.

— Слушай, Ничипорка, — вспоминая вдруг о том, ради чего еще он ехал сюда, в Иканы, сказал Шайпак. — Я же собирался дерево посадить.

— Деревья сегодня будем сажать. С учителем вместе. Саженцы принесут хлопцы.

— Нет, нет, я хочу свое, из лесу, посадить, какую-нибудь сосенку... Или нет! Лучше всего вяз. Знаешь, Ничипорка, под тем вязом, на котором фашисты повесили гармони, можно выкопать молоденький вяз. Лучше всего молоденький вяз! И когда-нибудь потом, когда этот вяз примется, я приеду, Ничипорка, в школу и, может, сыграю на этой гармонии. Может, и сыграю! — воодушевляясь, пообещал он. — Только совсем другая будет песня. Это будет песня про старое дерево, про старый вяз, и про другое деревце, про молоденький вяз, который приживется тут, в этом парке, где бюсты героев. Целая роща шумит-поет в честь героев... Словом, это будет песня про лесное, партизанское дерево!

Эдуард КОРПАЧЕВ

Минская область

КОЛОСОК

Всесоюзный Парк Победы

Парк Победы в честь славного 35-летнего юбилея встал на нашей земле. Комсомольцы и молодежь страны в честь подвига советского народа в Великой Отечественной войне посадили скверы и сады, памятные аллеи и парки, украсили цветами обелиски и монументы. Во многих местах нашей необъятной Родины поднялись молодые посадки, а вместе все они и составили комсомольский парк Победы.

В апреле в городе Луцке проходил Всесоюзный слет ветеранов погранвойск СССР. Праздничная, торжественная была манифестация. И когда шли ветераны-пограничники по улицам города, видели на некоторых домах мемориальные доски с короткой надписью «В этом доме проживает ветеран Великой Отечественной войны». Это знак сердечной благодарности тем, кто в жестоких сражениях отстоял сегодняшнее мирное небо. В завершение слета юноши и девушки города вместе с ветеранами войны посадили зеленую аллею в честь городов-героев.

Богата памятными местами о днях былых боев многострадальная земля Белоруссии. Только вокруг Борисова комсомольцы города установили 32 таких места. Сегодня здесь высажено 10 тысяч деревьев и 15 тысяч кустарников.

Во время минувшей войны в рядах Советской Армии сражались тысячи народных ополченцев. Много их ушло с московских фабрик и заводов на защиту родной столицы. Есть в Москворецком районе памятник павшим героям 17-й Бобруйской дивизии народного ополчения. Рядом с ним в преддверии знаменательного юбилея встала аллея воинской славы.

От границы до границы. От Бреста до Дальнего Востока поднялись молодые посадки. Вот что сообщили в штаб конкурса «Зеленый наряд Отчизны» пионеры далекого приморского поселка Любитовка:

«В честь подвига нашего народа в Великой Отечественной войне мы уже посадили: аллею Победы — в честь 20-летия, сосновый бор — в честь 30-летия со Дня Победы; соорудили на территории дендро-

парка обелиск в честь односельчан, погибших в годы минувшей войны. И вот новая знаменательная дата. В честь 35-летия Победы мы посадили сквер из 48 сосен рядом с обелиском».

Конечно, обо всех славных делах юного поколения страны рассказать невозможно в этих коротких заметках. Ясно одно: комсомольцы и пионеры страны свято берегут память отцов-героев, наследуют и продолжают их боевые и трудовые традиции.

Э. МЫСЛИВЦЕВА

Рис. С. Аристокесовой

УРОК ТРУДА

Степь как песня. Неоглядная и волнующая. И вдвойне прекрасна, когда превращается в хлебное поле. Человек создает свою песню и свое поле. Для этого он живет на земле и растит своих детей, чтобы те, в свою очередь, слагали свои песни. Но основной мотив должен быть повторен каждым новым поколением. Для хлебороба — это извечный мотив любви к земле.

Полтавский район Омской области — хлебородная степь. Уходящие за горизонт поля пшеницы с сияющими глазами васильков по краям. Живут здесь потомственные хлеборобы. И детей своих учат этой прекрасной профессии. Учат терпеливо, каждодневно, мудро. Учителя все: руководство хозяйства, педагоги, родители, но самый главный учитель — труд.

Совхоз «Еремеевский». Некоторые анкетные данные хозяйства:

средний возраст рабочих — 33 года;
одна треть рабочих и служащих — выпускники школы;

основные специалисты — совхозные стипендиаты, закончившие вузы и вернувшиеся в родное село;

и последнее: «Путевку в жизнь дала мне ученическая производственная бригада», — сказал Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, механизатор совхоза Алексей Григорьевич Кривко.

Весь совхоз — большая общая школа. А начинали с создания совета по профессиональной ориентации. К этому подвела сама жизнь. Как-то, обсуждая на одном из производственных совещаний перспекти-

вы развития совхоза, задумались: «А какова же потребность в специалистах будет через десять-двадцать лет?» Хозяйство растет. Провели небольшое социологическое исследование, которое заставило глубоко задуматься.

Будущие специалисты — это сегодняшние школьники. Как научить их видеть и слышать красоту своего поля?!

Путь к хлебородному полю начинается с овладения профессией. Совет по профориентации стал деловым штабом. Важно, что вопрос всегда ставился не только «Кем быть?», но и «Каким быть?».

Выделили ребятам трактор и машины, затем участок земли. В школу пришли специалисты совхоза, знатные комбайнеры и животноводы. И начала свою деятельность ученическая производственная бригада. Зародилась тесная дружба и взаимопомощь хозяйства и школы. Сейчас, например, никого не удивляет появление в школе зоотехника или агронома, главного инженера или директора совхоза, как и школьные уроки на животноводческой ферме или в мастерских совхоза. Сегодняшняя бригада — это дети тех, кто сам прошел школу воспитания трудом в ученической бригаде. Все эти годы учились ребята самой прекрасной науке — любви к своему полю, к земле. Накапливается опыт, кристаллизуются кадры наставников.

Что привлекает ребят в бригаду?

«Самостоятельность труда, — сказал директор школы И. Ф. Таран. — Бригада у нас полностью хозрасчетная. Все от начала и до конца на 170 гектарах делается руками ребят. Начинаем зимой со снегозадержания, затем уход за парами, посев, обработка, уборка урожая и, наконец, учет. Это то, что касается полеводческого звена. В прошлом году таких звеньев было семь. Здесь и садоводы, и овощеводы, и лесоводы, и животноводы, и опытники. Каждый выбирает занятие по душе».

«Романтика, — говорят члены ученической бригады Саша Кинько и Ирина Орлова, — ведь мы работаем не полный день. Остается время и на занятия спортом, и на самостоятельность, и на чтение. А вечером — песни у костра, разговоры о будущем».

«Возможность получить профессию, — высказывает свои мысли знатный комбайнер совхоза В. Е. Рипп. — Ребята после десятилетки получают права на вождение техники и удостоверение операторов машинного доения. Настоящие права».

Говоря о технике, нельзя не упомянуть об А. Г. Ваганове. Это одержимый человек. Каждую свободную минуту он проводит в школьных мастерских. Он всегда в окружении детей. До звонка на первый урок дети забегают в мастерские попилить,

построгать, посидеть за штурвалом комбайна. Урок труда — самый любимый урок в Еремеевской средней школе. От этих мастеровских и любви к труду — прямая тропинка к школьному полю, ферме, всему тому, что принесло славу этой школе, ее ученической производственной бригаде.

Первого июня в самом живописном месте вырастает палаточный лагерь. Это ребята выехали на свое поле. Еще осенью выбраны бригадир, два заместителя, комиссар. Совхозный специалист дает задание бригадир, а тот звеньям. Бригадир же принимает работу и дает оценку качеству выполненной работы. В прошлом году освоено 6,5 тысячи рублей.

Петухов Сережа и Терещенко Толя выбрали себе необычную работу. Они пасли телят. Все уже распределились, а они молчат.

— В какое звено вы записываетесь?

— Мы бы хотели пасти телят.

— Пожалуйста! Но учтите, что работа трудная. Вставать надо до зари.

Трудности их не испугали. Так же, как и девочек, что пошли в звено животноводов. Они заменили доярок, ушедших в отпуск. Конечно, не все сразу получалось, но рядом были наставники. Учили собирать и разбирать доильные аппараты, узнавать «характер» каждой коровы.

Особо нужно сказать о бригаде опытников. Когда десять лет назад вымерз яблоневый сад, один из лучших в области, решили поручить его восстановление школьным опытным. Сколько было проведено опытов, сколько затрачено труда, чтобы выбрать сорта, которые смогли бы прижиться в Сибири. Отобрано и рекомендовано более 30 таких сортов. Работа над этим продолжается. Но юным опытным-садоводам нужна помощь ученых. В Омске есть такие ученые, и они могли бы помочь ребятам.

Опытническая работа начинается здесь с

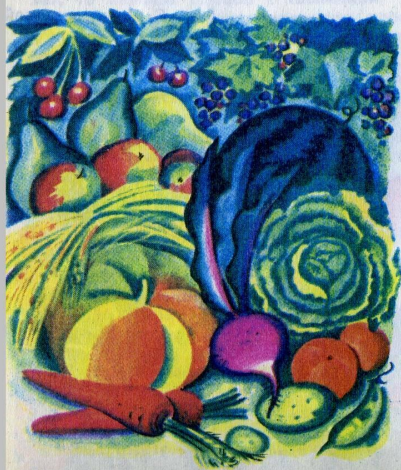

самых младших классов на пришкольном участке, зимой — в теплицах и дендрарии. Пришкольный участок этой школы много лет занимает первое место в районе. Тут и цветники, и грядки с овощами, ягодник. С маленького пятка, где растет смородина, школьники собирают рекордные урожаи ягоды, каких нет во всем селе. Это тоже достижение опытников. Старшеклассники проводили опыты по эффективности химической обработки полей. Результаты сейчас обобщаются и будут рассмотрены специалистами совхоза.

Особенно радостен праздник «Золотая осень», который проходит в октябре. В фойе просторной новой школы — выставка. Чего тут только нет: снопы колосьев, всевозможные овощи, фрукты и ягоды — все, что выращено руками ребят. Гвоздь праздника — овощная лотерея. Кто станет кавалером всех овощей? На этот раз — руководитель летнего семестра школьников Литвиненко В. М. У нее в руках весь овощной набор. Можно делать салат.

Но это только подготовка к самому большому торжеству — Дню урожая, который празднуется всем селом. Приглашаются и члены ученической производственной бригады. Ведь они трудились наравне со взрослыми. Дирекция награждает лучших почетными грамотами, премиями. И со сцены совхозного клуба в двадцатый раз звучат слова основного девиза этой большой школы — «Научил ли ты свою смену самому главному в жизни — труду?!».

Э. БАЙДАШИНА

ТАЙНЫ раифского леса

Вот уже с полчаса сидим мы на берегу Раифского озера, пытаюсь поддеть на крючок старенькой удочки какую-нибудь рыбешку. Мы — это я и Володя Тухтин, школьник и юный лесничий из поселка Раифы. Рыбешка нам нужна, чтобы разгадать одну из тайн раифского леса.

А тайна такая.

Среди местных мальчишек вдруг про-

шел слух, что-де возле озера объявилась какая-то неведомая сила. Стоит, мол, рыбаку зазеваться, как пойманная и брошенная им на берег рыба самым непонятным образом исчезает, причем бесследно. Загадка! У Володи, когда ему стала известна эта странная новость, загорелись глаза: уж очень он любит раскрывать лесные тайны. А новость он узнал от соседа-третьеклассни-

ка сегодня рано утром и выведал, где конкретно все это происходит. Оказалось, что подле устья речки Сумки. Володя хотел тотчас же отправиться туда, но сосед отговорил его: «Зря пойдешь: по утрам улов не пропадает, а только на закате солнца». Со мной Володя встретился после завтрака и предложил побродить с ним по раифскому лесу. «А под вечер мы пойдем неведомую силу глядеть», — тоном заговорщика молвил он.

Остановившись на опушке соснового бора, Володя (он часто сопровождает по лесу ребят, приезжающих в Раифу на экскурсии) дал мне вначале, как и подобает истинному гиду, краткую справку о раифском лесу.

— Как известно, — будто читая по книге, говорил он, — лес этот находится на Левобережье Волги, в двадцати пяти километрах к западу от Казани, и является наиболее живописным и интересным участком Волжско-Камского государственного заповедника. Ровно двадцать лет назад местность Раифа была объявлена заповедной, так как представляет собой чудесный памятник живой природы Восточной России, сохранившийся в первозданности до наших дней.

Затем Володя принялся водить меня по брусничным и черничным соснякам, а также по смешанным и лиственным лесам, рассказывая много занятного о здешней флоре и фауне. В полдень, выйдя из какого-то оврага, я раздвинул перед собой кусты черемухи и неожиданно увидел впереди холмы, поросшие соснами и сплошь покрытые чем-то серовато-белым, похожим на прошлогодний снег. «Что это?» — изумился я. «Лишайник, олений мох, — ответил Володя. — Это оригинальное растение представляет собой соединение гриба и водоросли. Оно изящно, будто выточено из мамонтового бивня. После дождя и ночной росы оно всегда мягко и эластично, словно резина, при ясной же погоде быстро высыхает и хрустит, как яичная скорлупа. Сосняки, в которых растет олений мох, называются лишайниковыми. Светлые и чистые, они выглядят празднично и торжественно».

Говоря это, Володя вел меня по оленьему мху, на дымчато-белом фоне которого кое-где виднелись желтые кисточки красильного дрока и лилово-синие кисти вероники колосистой. Изредка нам попадались зелено-серые дернины сизой калерии и степной тимopheевки, иногда встречались куртины василька сумского с нежно-розовыми цветами и

распростертыми по земле розетками бело-войлочных опушенных листьев.

«А вот гость из Западной Европы, — указывая на незнакомое растение с синими головками соцветий, промолвил Володя. — Это букашник горный. Здесь же можно увидеть и дрок германский, он тоже западноевропейский гость. А вот как они оба попали к нам за Волгу — это загадка природы, которую я мечтаю когда-нибудь разгадать».

Удивила меня и фауна Раифы своим разнообразием. В невысоком солнечном соснячке мы заметили зарывшегося в кучу сухой хвой искомое обитателя русских лесов — ежа, а на холме, поросшем елью и чахлам пихтарником, нам повстречалась типичная жительница сибирской тайги — красная полевка. В липовой рощице, под кустом лещины, я увидел крупную бурозубку, внешне очень похожую на мышь. Она отличается от мышей своей усатой заостренной мордочкой, вытянутой в хоботок, вроде как у муравьеда. И питается она в отличие от мышей различными насекомыми, а иногда, случается, и лягушками.

Разглядывая землеройку, я вдруг услышал в стороне легкий шелест травы и повернул голову. Прямо на меня неторопливо скакал молоденький белак. Вот он остановился, сел на задние лапы и с подозрением уставился своими раскосыми глазами мне в лицо. Я затаил дыхание, а потом взял да и подмигнул зайчишке, отчего тот, словно от пинка, свечой взмыл в воздух, отлетел в сторону шага на четыре и был таков, лишь топоток по лесу разнесся. Вот трус так трус! От удивления я опешил, а потом засмеялся и долго не мог унять смех. На шум прилетела сорока, уселась на липу и застрекотала на всю округу. Я запустил в сплетницу кепкой, птица вспорхнула, а кепка повисла на ветке. «Урра! Урра!» — торжествуя закаркали в небе вороны, как бы радуясь, что я опростоволосился. Пока я доставал кепку с липы, вдали раздался голос Володи: паренек звал меня.

Вскоре я подошел к нему. Он стоял на лесной полянке неподалеку от оврага, на дне которого звенел ручей. Полянка представляла собой крепко изрытый бугор с пятью широкими входами в чьи-то норы.

«Мы стоим над барсуками, — заговорил Володя. — Тут их целая колония. Но самое интересное в том, что в этих же норах одновременно проживают лисица и енотовидная собака, причем жизнь всего этого разношерстного лес-

ного народца протекает без ссор, тихо и мирно. Однако чем объясняется такое сожительство, я пока понять не могу — тайна леса!»

«Они сейчас все под землей?» — спросил я. «Барсуки — да, потому что ведут ночной образ жизни. А лису и енотовидную собаку я летом здесь не встречал, зимой только».

И Володя поведал мне о том, как он впервые увидел тут лисицу. Шел он однажды в январе на лыжах возле этого места. И вдруг видит: рыжая лиса бежит, да не мимо, а прямо на него, и не просто так, а с лаем, как собачонка. Володя погрозил ей палкой, а она свое — лает и лает. Что за чудо? Паренек тщательно обследовал местность и по следам узнал, что лисица живет в барсучьей норе. Одновременно он обнаружил и следы енотовидной собаки, которые тоже вели в жилище барсуков, только с другого входа. Изучая следы, Володя пробыл на поляне минут пять, и все это время лисица непрерывно и бесстрашно тавкала на него. А затем, когда он зашагал дальше, храбро побежала за ним и преследовала метров триста, оглашая лес своим тонким отрывистым лаем.

«Эта она меня от их звериного «общения» отгоняла, — пояснил Володя. — А не боялась меня, видимо, потому, что родилась и выросла здесь, в заповеднике, где вот уже двадцать лет люди не палят из ружей и вообще ничего, кроме добра, зверью и птицам не делают. Животные хорошо понимают это. Взять, к примеру, тех же вон лосей: когда в соседнем Айшинском лесничестве начинается их отстрел, они бегут спасаться сюда, в райфский лес, заранее зная, что тут в них никто не пальнет. И еще одна удивительная вещь: в заповеднике звери давно уже чувствуют себя не гостями, а хозяевами, наделенными правом открыто выражать человеку возмущение, если он посмеет так или иначе нарушить их покой. Подтверждением этому может служить поведение все той же лисицы, что облаяла меня, как собачонка, охраняющая свой двор».

За разговорами мы давно уже оставили барсучью поляну и двигались густым березняком, за которым виднелось лесное болото. Вдруг впереди я увидел лося. Он лежал в траве и мотал ушастой горбоносой головой, отгоняя мух и слепней.

«Легко на помине, — довольно громко молвил Володя, но зверь не вздрогнул, не вскочил, не побегал. — Смотря, ничуть не боится. А тронь его — так

он, пожалуй, еще и в бой ринется». Лось все-таки поднялся, громко фыркнул, продвывая ноздри, и не спеша удалился в зеленую мглу леса. Он был по звериному картинно грациозен и вел себя совершенно независимо, спокойно и, пожалуй, даже высокомерно, будто знал, что в заповедном лесу у него больше прав, чем у человека. Спустя минут десять мы увидели еще трех лосей: корову и двух телят. Володя проворчал: «Поразвелось их тут...» А по глазам его было видно, что он очень доволен обилием лесных великанов, которые разгуливали по заповеднику совсем безбоязненно, будто домашний скот.

На подходе к Райфскому озеру мы заговорили о пернатых. И Володя поразил меня тем, что насчитал чуть ли не сто видов птиц, обитающих на территории заповедника, начав с серого журавля, местного крылатого великана, и кончив лилипутами — поползнем, ко рольком и крапивником.

«Птицы — это о-очень интересно! — говорил паренек. — Прошлым летом забрел я в лесу на вырубку и там наткнулся на засохших жуков, шмелей и стрекоз. Каждое насекомое было нанизано на колочку кустарника. А вот кто их нанизал и для чего, этого я никак не мог уразуметь. Гадал, гадал, да так и удалился ни с чем. Дня через три пришел снова на то же самое место и вдруг вижу: какая-то птица снимает клювом высушенного шмеля с колочки и улетает с ним в кусты. Это меня поразило, и я, чтобы разобраться, что к чему, целый день просидел на вырубке. И вот что выяснил. Птица оказалась сорокопутом-жуланом, который имеет повадку сушить насекомых впрок, чтобы потом кормить ими своих птенцов. Вот!»

Ну как тут не согласиться с Володей, что птицы — это «о-очень интересно». Интересно, например, то, как они устраивают свои жилища. Вчера я бродил по здешнему дендросаду и, пробираясь сквозь заросли ивняка, заметил высоко над головой серый шар. Это было гнездо солнечной птички наших лесов — иволги. Прикрепленное волокнами мочала к кончику тонкой ветки, оно раскачивалось в воздухе как гамак и было недоступно ни кошке, ни кунице, ни даже сороке и вороне. Только человек мог достать его, но иволга явно доверяла человеку, так как построила свой «дом» в самом центре дендросада, часто посещаемого людьми.

Кстати, об этом саде. Райфский дендрологический сад — это лес в лесу. За-ложенный еще в 1921 году Казанским

университетом, он вырос и является в наши дни истинной сокровищницей заповедника. В нем более пятисот видов различных экзотических деревьев и кустарников Америки, Азии и Европы. Ученые, студенты и школьники изучают в саду морфологические, биологические и экологические особенности экзотических растений и проводят опыты по их акклиматизации и широкому внедрению в лесное хозяйство и озеленение городов и сел на Среднем Поволжье. Сад довольно большой, и, обходя его, уходишь с таким ощущением, будто побывал сразу в трех частях света. Навсегда запомнятся ель сербская и сирень венгерская. Это растения-европейцы. Из азиатской флоры уносишь в памяти образы деревьев-сибиряков — кедра, пихты и лиственницы, трех видов берез — желтой, каменной и даурской, амурского бархата и пробкового дерева, желтокорой черемухи Маака и многих интересных кустарников. Из американской флоры врежутся в память ели — колючая, черная и Энгельмана, четыре вида сосен, туя западная, тополь канадский, орех черный и серый, клен ясенелистый, тополь бальзамический и вечнозеленый кустарник магония падуболистая... Великолепен садовый лес! Володя Тухтин придерживается тоже такого мнения, однако к сердцу принимает его с оговоркой.

Когда мы, придя на озеро и вынув удочку и банку с червями из тайничка в кустах, принялись рыбачить, у нас зашел разговор о дендросаде. «Спору нет, садовый лес замечательный, — сказал Володя. — Да только он душу не очень трогает. От него как бы веет чем-то бу-тафорским, городским парком, что ли. Словом, искусственный он. А мне больше по душе естественный — такой, как наш райфский, где все знакомо, понятно и в то же время все окутано тайнами. В общем, я люблю русский лес, о котором сказано: «Там чудеса, там лесной бродит...», то есть царствует первозданность. А царствует она у нас благодаря людям, создавшим здесь заповедник, хранилище древнего русского леса, полного добрых загадок и поэзии. Кстати, что же это за неведомая сила объявилась нынче у нас?..» Володя огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не обнаружил. И с надеждой уставился на поплавок.

...И вот мы сидим. Солнце уже село, и по зеркалу озера начала ткаться розоватая зоря. Вместе с ней на воде отразились бурые развалины Райфского монастыря и медные колонны двухсотлетних сосен. Из леса донесли крики за-

сыпающих птиц, а из поселка — лай собаки и гул автомобиля.

— Есть! — радостно вскрикивает Володя, выдернув из воды большого окуня. — Теперь мы его снимем с крючка и бросим вон на тот влажный суглинок, а сами спрячемся в кусты.

Так и делаем: оставляем окуня на берегу и лезем в заросли тальника. Оглядываясь — что за чертовщина?! — окуня на месте не видим: его словно ветром сдуло. Вот так дела-а... Мы выбираемся из засады и идем туда, где только что был окунь. Мой юный следопыт становится на колени, изучает что-то на суглинке и вдруг весело восклицает:

— Так вот, оказывается, какая неведомая сила здесь объявилась — американская норка! Хитра, шельма: рыбу ворует, когда человек к ней спиной стоит...

Все. Разгадана еще одна лесная тайна. Усталые, но очень довольные, мы не спеша возвращаемся в поселок, где живут хранители заповедного леса, полного тайн, которые так хорошо умеет разгадывать Володя Тухтин. Идем долго. Лес уже начинает погружаться в темноту и делается еще более таинственным. А в небе загораются светлые звезды, которые видели этот лес в его первозданной красе много веков тому назад, видят сейчас и, можно надеяться, увидят его все таким же прекрасным и в далеком будущем.

И. ПОНОМАРЕВ

Фото В. Гуменюка
и Н. Шарая

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ИЮЛЬ

Зарумянились вишня и слива,
Налилась золотистая рожь,
И как море волнуется нива,
И в траве на лугах не пройдешь.

Солнце ходит высоко под сводом
Раскаленных от зноя небес,
Пахнет липа душистая медом,
И шумит полный сумрака лес.

И цветы и ягоды

Летнее утро напоено росами, птичьим щебетом и полно очарования. В каждом цветке, в каждой листочке сверкают бриллианты-росинки, в которых по солнышку, и от этого лес весь сам солнечный. И не успеет солнце погаснуть в вечерних росах, как утром зажигается снова. А часы лета досчитали уже до середины. Теперь побегут дни к осени, скоро наступит в лесу пора урожая. Каждая травинка, каждый кустик готовятся к этому событию.

Под блестящими листьями черники висят крупные зеленые горошины, пройдет немного времени, и превратятся они в сине-фиолетовые с сизым налетом вкусные ягоды. Подставляет солнцу свои белые бока брусника, чтобы зарозовели они. Наливается соком малина. Но есть в лесном мире растения, на ветках которых можно найти сразу и цветы и ягоды. Это, например, крушина ольховидная или ломкая, которую в народе лучше знают под именем «волчьи ягоды». Помните волчье лыко? У него цветки сидят прямо на тонких стволках, а вот крушина перешеголяла своего собрата по волчьим ягодам, у нее больше странностей.

Крошечные почки этого кустарника, в которых спрятаны будущие листья, совсем лишены чешуек. Такое можно встретить лишь у тропических растений, ведь в тропиках жарко. А тут при долгой зиме и сильных морозах! Но если взять лупу и внимательно рассмотреть почки, то можно заметить, что они покрыты густыми бурыми волосками. Они-то и «согревают» листья. Распускается крушина поздно, когда уже все деревья оденутся листвою. Листья у нее крупные, овальные, на обоих концах заостренные.

Появляются листья, и сразу же распускаются мелкие беловатые цветки, похожие на маленькие пятиконечные звездочки. Они настолько незаметные, что их трудно отыскать среди листвы. Вот и кажется, что крушина вроде бы и не цветет, хотя цветки на ней можно отыскать, когда уже начинают поспевать и ягоды.

В это время куст станет красивым и нарядным. Сначала ягоды будут зеленоватые, потом покраснеют, затем станут красно-фиолетовыми и наконец черными, блестящими. А поскольку цветет кустарник все лето, то и ягоды на нем есть всех цветов. И до того они хороши, даже издали их можно заметить, и сами так и просятся в рот. Но они «волчьи», несъедобные, и даже могут вызвать отравление. Но зато их любят многие птицы.

Крушина ломкая — растение лекарственное. Оно давно известно медицине. В прошлом кустарник считался и красивым растением. Из его коры получали коричневую, желто-коричневую и бордовую краски, а из плодов — зеленую и фиолетовую.

Растет крушина почти по всей территории европейской части страны, на Кавказе, в Сибири. Обычно это кустарник, но может она быть и небольшим деревцем с тонким стволиком.

Летнее утро напоено росами, птичьим щебетом и полно очарования. Поспевают лесные ягоды. И хотя не все их можно положить в кузовок, каждая из них приносит пользу лесу. Поэтому не рвите ядовитые и несъедобные ягоды, и не только потому, что это опасно. Для многих зверей и птиц это не только корм. Но и лекарство. А уходя из леса, взгляните еще раз на куст крушины, посмотрите на его блестящие яркие ягоды. Правда, красиво? Весь куст осыпан ими. Пусть так и остаются на ветках.

Т. ГОРОВА

Фото Р. Воронова

Рис. В. Федорова

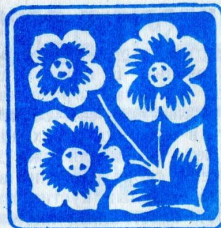
Как-то на размытой полевой дороге я увидел интересные следы. Зарисовал их и показал многим знакомым. И почти никто не смог догадаться, кто гулял после дождя по мокрой дорожке. А любителем прогулок в ненастье была обыкновенная травяная лягушка. Я заглянул в книги, где описывались следы животных. Но там о следах амфибий и рептилий почти ничего не было. А ведь следы их падаются довольно часто. Значит, знать их должен каждый натуралист.

След травяной лягушки. Отпечаток брюшка, передних и задних лапок.

Лишь только летний зной сменится вечерней прохладой, выходят на охоту лягушки. Днем большинство их прячется где-нибудь под колодой или камнем, отсиживалось в неглубокой яме или лесной луже. А теперь, в сумерках, они вылезли из своих убежищ. Вот квакушка прошлепала по дороге, и на мокрой глине остался характерный отпечаток, ко-

торый не спутаешь со следами других животных. В центре, где лягушка коснулась животом, осталась неглубокая вмятина. Чуть спереди, по обе стороны от нее, следы четырехпалых передних лапок. Их отпечатки напоминают букву К, повер-

нутую внутрь. За ними на уровне отпечатка брюшка по четыре круглые ямки и полоски от них — следы пальцев задних лапок. Следы повторяются примерно через равные интервалы. Чем крупнее лягушка и чем быстрее она скачет, тем интервалы между следами длиннее. У травяной лягушки длина прыжка около 30 сантиметров. Если почва недостаточно мягка, то иногда следы брюшка почти не видны, но следы задних лапок — косые ряды, по четыре дырочки в ряд — отпечатываются наиболее отчетливо.

По берегам водоемов легко отыскать следы озерных лягушек. Они значительно крупнее, чем у травяных. А какой след оставляет жаба? Казалось бы, что ее следы должны быть очень похожи на следы лягушки. Оказывается, нет. В своих ночных поисках слизняков, червей и мелких жучелиц жаба в основном не скачет, а ползает, поочередно представляя короткие лапки. Вот и получается двойная дорожка чередующихся отпечатков задних и передних лапок. Отпечатки передних лапок четырехпалые, как у лягушки, но пальцы не так

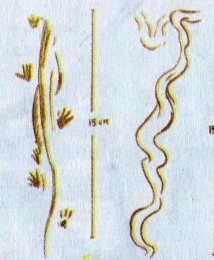
сильно растопырены. Задние лапки оставляют следы и пальцев и подошв. Контур следы неясные, смазанные. Часто видны бороздки, подчеркнутые движением пальцев. А вот след брюшка жабы отпечатывается лишь изредка. Жаба старается не волочить его по земле. Она ползет не по-пластунски, а на четвереньках, как маленькие дети.

Следы серой жабы.

Там, где много ужей, на пыли дорог часто можно увидеть оставленные ими следы — неширокие извилистые полосы. Помню, я показал брату след ужа, а он взял небольшое лесное яблоко и бросил на дорогу.

Оно покатилося по пыли и оставило за собой полосу, очень похожую на след ужа. Следы различных рептилий часто встречаются в наших степях и пустынях. Там можно увидеть и широкие серпантинные, оставленные проползшей по песку гюрзой или коброй, и следы различных ящериц — отпечатки всех четырех лапок и чуть извилистый след брюшка и хвоста посередине. За черепашкой тянется широкая дугообразная тропа с глубоки-

След ужа, проползшего по пыльной дороге.

ми углублениями и бороздами когтей сильных лап. Чтобы научиться различать следы всевозможных ящериц и змей, нужно наблюдать за ними в природе.

В. ГУДКОВ
Рис. автора

Вот уж действительно не знаешь, где можно подстеречь удачный и неожиданный кадр. Можно долго ходить по лесу или парку, долго искать, да так ничего и не найти. А то вдруг, и не выходя из дома, удастся поймать счастливый миг. Можно сфотографировать какую-нибудь экзотическую птицу, и получится она совсем неинтересной. А можно снять и обыкновенных птиц, например голубей, и удивиться, до чего же они прекрасны.

г. Сумы

Фото Саши Дрозда

ПТИЧЬИ СООБЩЕСТВА

На солончаковых и травянистых берегах озер Кургальджинского заповедника, в зарослях тростника и рогоза, среди многочисленных протоков реки Нуры, на островах гнездится огромное количество разнообразных птиц, экологически связанных с водой. Здесь мирно уживаются различные виды куликов, крачек, чаек и уток. Нередко они образуют смешанные колонии — настоящие птичьи базары. Шум и гам целыми днями стоит в таких сообществах: одни птицы улетают кормиться, другие возвращаются к гнездам, третьи, что-то не поделив по соседству, дерутся. Но настоящий гвалт поднимается в колонии, когда туда забредает человек, наземный хищник или залетает пернатый разбойник. Все они враги, с точки зрения птиц, и их надо немедленно прогнать.

Колониальное гнездование выгодно птицам. При опасности они могут дать дружный отпор нарушителям спокойствия. Правда, и сами хищники стараются обойти стороной большие колонии,

предпочитая поживиться в гнездах одиночных пар.

Степное озеро Аккошкар — основной мой стационар по изучению биологии околотовдных птиц. Этот относительно небольшой пресный водоем находится у юго-западной окраины озера Кургальджин. На Аккошкаре есть несколько крупных островов и множество мелких прибрежных, появляющихся то в одном, то в другом месте в период половодья, когда прибывающая вода отбирает часть суши. Такие временные островки с пологими солончаковыми берегами, поросшими редкими кустиками солянок и полыни, привлекают птиц в период размножения.

...Вторая половина мая. Ранним утром, когда было еще сумрачно, я вышел к озеру. До него было недалеко, чуть более километра. Дорога шла степью. Я бред по ней, вдыхая полной грудью свежий воздух, напоенный ароматом цветущих трав, прислушиваясь к звукам, издаваемым спугнутыми птицами. Почти из-под самых ног вспархивали и сразу

растворялись в предутреннем тумане жаворонки. Взлетая, они издавали характерный журчащий звук.

Стало светлее. Над мной появились крикливые чайки. Тут были и аккуратные миниатюрные малые чайки, и симпатичные озерные — с темно-коричневой головой и красным клювом, и огромные серебристые чайки, или, как их еще называют, хохотуны — за истерический хохот, издаваемый в брачную пору. Через несколько минут к ним присоединились не менее крикливые крачки: речные и чайконосые. Некоторые птицы проявляли любопытство, залетали спереди и по мере приближения ко мне поворачивали голову, скосив то один, то другой глаз. Вскоре впереди тускло блеснула полоса воды, обрамленная молодым тростником, рогозом и осокой. Степное озеро...

Оно встретило меня птичьим многоголосьем. Над тростниками во все стороны проносились утки. Одиночные селезни, пары — впереди уточка, а за ней один-два кавалера, — стайки собирающихся линять селезней чирков, крик, серых уток. К линьке приготовились и серые гуси. Стаи их по несколько десятков голов с утра до вечера жировали на мелководных степных разливах, набирая вес для столь ответственного и болезненно протекающего периода в жизни птиц — ежегодной смены оперения. Но это произойдет не ранее июня, а пока птицы, издали завидев меня, с гортанными криками взмывали в воздух и, построившись углом, летели к середине озера. На мелководе были видны и пары гусей, выгуливающие своих пока еще крошечных пушистых птенцов.

Глядя на гусей, я вспомнил забавный случай. Во время одной экскурсии по берегу Аккошкара за мной увязался егерский пес — молодой спаниель Дружок. Вырвавшись на простор, он обезумел от радости. Его черная шубка мелькала далеко впереди, длинные уши болтались, как тряпки. Завидев на мелководе серых гусей — двух взрослых птиц и пять пушистых еще маленьких гусят — он с разбегу бросился за ними. Гуси поспешили в заросли молодого тростника, до которых было не более пятидесяти метров. Азартно лая, поднимая каскады брызг, Дружок уже почти настиг их, но у самого тростника стало глубже, и собака потеряла преимущество в скорости. «Дружок, Дружок!» — я почти охрип от крика, но пес не слушался. Вдруг один гусь (это был крупный самец) поднялся в воздух и, сделав небольшой круг, спикировал на собаку и ударил ее крылом по голове. Не ожидая такого поворота

дела, Дружок отчаянно завизжал и повернул обратно. Лапы его не доставали дна, над водой торчала лишь голова. Гусак, возмущенно гогоча, плыл рядом и бил обезумевшую от ужаса и боли собаку то одним, то другим крылом. Я не на шутку испугался за Дружка, ведь он мог так и утонуть. Пес доплыл до мелкого места и рванулся ко мне. С торжествующим гогогом гусак поплыл к тростникам, куда гусыня уже увела выводок. Мокрый, побитый Дружок уже не отходил от меня.

Брызнули первые лучи солнца, стало совсем светло. Под ногами захрустели сочные прибрежные солянки. Легкий ветерок с озера дохнул в лицо прохладой и взвешоршил синий плес. Над головой раздалось пронзительное «чин-би, чин-би» чибиса. Обычно же крик его передается как вопросительное «чьи вы, чьи вы?». Впереди, метрах в ста от берега, темнел небольшой низкий островок. Там было гнездо чибиса, и теперь он пикировал на непрошеного гостя. От островка ко мне с криками летели и другие кулики, но этот чибис был первым.

Чибис — кулик, хотя и выглядит довольно своеобразно: относительно короткие ноги, короткий клюв, широкие веерообразные крылья и задорный хохолок на голове. Во время брачных игр самцы поднимаются в воздух и кувыркаются, издавая крыльями характерный звук, похожий на жужжание. Игры проходят и на земле. Самец готовит аккуратные круглые ямки — ложные или игровые гнезда. Сначала он энергично роет лапами землю, затем утрамбовывает образовавшуюся лунку грудью, поворачиваясь во все стороны. Появляется самка, осматривает готовые ямки и садится в одну из них, как бы проверяя ее на удобство. Самец же при этом выходит из себя. Стоя рядом, хватая клювом мелкие веточки и стебельки и бросает их через спину к самке. Впоследствии одна из этих ямок, выбранная самкой, становится настоящим гнездом. В него она откладывает четыре крупных пестро окрашенных яйца. Через три недели насиживания, в котором участвуют оба родителя, вылупляются симпатичные желтоватобурные пуховички.

Подняв голенища болотных сапог, я побрел к острову, увязая по щиколотку в илистом дне. Аккошкар — неглубокое озеро, максимальная глубина его редко превышает полтора метра. По мере приближения к птичьей колонии усиливался гвалт, и вот уже все обитатели острова поднялись на крылья. На небольшой площади, около двух гектаров, поселилось не менее 160 пар тринадцати видов

птиц. Больше всего здесь было малых крачек. Маленькие, чуть больше стрижа, светло-серые с черной шапочкой и желтым клювом птицы заняли центральную часть острова. Довольно многочисленными членами колонии были степные тиркушки, травники и ходулочники. Кроме них, здесь загнездились чибисы, большие веретеники, малые зуйки, поручейники, речные крачки, краквы, шилохвости, серые утки и чирки-трескунки.

Внезапно сзади меня послышался шум. Оглянувшись, я увидел утку-кракву, которая, изображая раненую птицу, хлопала по земле крыльями и быстро отползала в сторону. Все ясно: рядом гнездо. Вот и оно: в большой круглой ямке, обильно выстланной серым теплым пухом, лежали восемь крупных зеленовато-белых яиц. С испугу утка облила их пометом и, конечно, не успела прикрыть сверху пухом. Очевидно, крак-ва решила остаться незамеченной и затаялась на гнезде, но, когда я прошел в двух метрах от нее и опасность, казалось бы, уже миновала, птичьи нервы не выдержали. Несколько яиц было наклонно, слышались писк и шевеление птенцов. Я быстро замаскировал кладку утиным пухом и пошел дальше. Обычно насадка, заблаговременно покидая гнездо, делает это сама — уж больно приметны белые яйца на зеленом или буром фоне окружающей растительности. Спустя несколько минут я едва не наступил на гнездо шилохвости, заботливо укрытое сверху пухом, перемешанным с сухими травинками, — так неспроста оно было. Кладка состояла из десяти яиц, но одно из них было карликовое — чуть больше воробьиного.

А вот гнездо малого зуйка — небольшого, размером с воробья, куличка с белым брюшком, серой спинкой и черным полукольцом, опоясывающим зоб. Спрятавшись в скрадок, я решил понаблюдать за ним. Зук сидел на гнезде, изнывая от жары, уже долго, а партнер все не появлялся. Наконец куличок не выдержал, встал, потянул крылья, попеременно вытягивая их к ногам, и быстро побежал к воде, склевывая на ходу сухих мух. Пока он купался и кормился, на его гнездо вдруг с лету села малая крачка. Ее собственное гнездо с тремя песочного цвета в мелкую бурую крапинку яйцами, кстати, очень похожими на яйца зуйка, было неподалеку, но, очевидно, крачка все перепутала. Она распушила перья брюшка, сделала несколько быстрых колебательных движений телом в стороны — для лучшего контакта с кладкой — и приготовилась насиживать: втянула голову в плечи и за-

крыла глаза. Хозяин вернулся минут через пять. Застав на своем гнезде крачку, он, словно недоумевая, остановился как вкопанный. Затем, издав тревожное «кюй-кюй», принялся бегать вокруг. Его волнение все росло, рядом появился другой член пары. Их тревога передалась крачке, она привстала с гнезда, поправила клювом куличьи яйца и, видимо, поняв свою ошибку, взлетела. Через минуту и крачка и зуек сидели в своих гнездах. В колонии вновь воцарилось спокойствие.

Зуйки не раз удивляли меня своей находчивостью. Одно из гнезд с четырьмя сильно насиженными яйцами располагалось у самого уреза воды на голом солончаке. Как-то, наблюдая за ним из скрадка, я увидел, что сильные волны затопили кладку. Легкие яйца плавали по воде. Зук, волнуясь, бегал рядом. Решив спасти кладку, я быстро сделал искусственное гнездо в шести метрах от затопленного, вырыв руками небольшое углубление в мягкой почве. Затем бросил туда несколько сухих травинки и перенес яйца. Зуйки в это время с криками летали надо мной.

На следующее утро, к своей большой радости, я застал в новом гнезде насиживающего зуйка. Куличок нашел свою кладку, хотя она располагалась в совершенно другом месте и не на голой почве, а среди кустиков. Велика сила родительского инстинкта!

На новом месте птенцы вылупились благополучно. Уже на третий день после того, как я провел эксперимент, яйца были наклонены, а еще через несколько дней я увидел на травянистом мелководье двух взрослых птиц и четырех пуховичков размером меньше грецкого ореха.

В тот майский день я нашел несколько десятков гнезд куликов, крачек и уток. Пора было покидать птичий остров. Крачкам надоело пикировать на непрошеного гостя, и они сидели на гнездах, хорошо заметных в бинокль по колышкам, установленным мною. На каждом колышке стоял свой номер, по которому я без труда находил впоследствии интересующее меня гнездо и мог следить за дальнейшей судьбой его обитателей, заносил систематические наблюдения в особую карточку — «паспорт» гнезда. Возвращались к кладкам и охрипшие от криков кулики. Только утки, как более осторожные птицы, садут на гнезда после моего ухода.

В. ХРОКОВ,
кандидат биологических наук

Фото автора

ПЕРЕВЯЗКА

Среди хищников, относящихся к семейству куньих, в нашей стране трудно найти зверька оригинальнее и экзотичнее перевязки. Замечательно в нем все: и внешний вид, и поведение, и само название. По форме тела перевязка похожа на хорька, только поменьше его. Не зря ее часто называют хорь-перевязка. Окраска этого животного весьма своеобразна: трудно найти другого столь пестрого зверька. Кажется, что на изящную головку с белыми губами и подбородком, белой полосой над глазами (лобной перевязью — может, ей и обязана она своим названием), белой каймой торчащих волос на ушах надета черная блестящая маска. Сверкающие черные глаза смотрят настороженно.

Грудь, маленькие передние и задние лапки и кончик довольно длинного хвоста — смолисто-черные. Остальное — сплошная пестрота: пятна, полосы белого, черного, бурого, желтого, оранжевого, доходящего чуть ли не до красного, цветов (интересно, что у одного и того же зверька интенсивность и преобладающий цвет могут меняться). На шее светлые пятна образуют три четких продольных полосы, соединяющихся на затылке: узкую, иногда прерывистую, посередине и широкие по бокам.

Мех у перевязки негустой, довольно

низкий. И зверек выглядит взъерошенным, особенно когда выходит из норы после сна. Но, встряхнувшись и приведя себя в порядок, перевязка совершенно меняется: мех плотно прижимается к телу, от чего четко становятся видны пятна и полосы, и поблескивает.

Мех перевязки практически не имеет никакой ценности и поступает на пушно-меховые заготовительные базы лишь как случайная добыча охотников. Перевязку миновала опасность уничтожения из-за ее шкурки, но подкралась другая, еще более серьезная.

Перевязка — житель степей, полупустынь и пустынь Юго-Восточной Европы, Передней, Средней и частично Центральной Азии. В нашей стране наиболее часто ее можно встретить в донских степях, полупустынях и пустынях Средней Азии. Однако распахивание и освоение этих земель сокращают места обитания зверька, и перевязка встречается все реже.

Питается она главным образом пустынными грызунами, среди которых основное место занимает большая песчанка. Может съесть и попавшихся ящериц. Истребляя грызунов — разносчиков опасных инфекционных заболеваний, перевязка приносит неоценимую пользу.

По-настоящему зверек охотится только в норах. Появление перевязки в коло-

нии песчанок вызывает страшнейший переполох среди ее жителей. То там, то здесь из норы показывается головка хищницы, охваченной азартом охоты.

Случается, перевязка охотится вместе с лисицей. Бегают по норам колонии больших песчанок, перепуганные зверьки вылетают наружу, но, увидев лисицу, моментально бросаются обратно. Кто не успевает скрыться, становится жертвой лисицы, кто успевает — добычей перевязки.

Содержащихся в неволе перевязок кормят в основном мясом или мышами, которых удается поймать или получить в виварии. С удовольствием они едят иногда и сырые куриные яйца, а иногда и не притрагиваются к ним. На всякий случай в вольере перевязок всегда есть вода, но видеть, как зверьки пьют, мне доводилось очень редко. Вероятно, их организму вполне хватает той воды, которую они получают с кормом, что в безводной пустыне имеет немаловажное значение.

Для кунных очень характерны парные, немного косо поставленные следы — так называемая двухчетка. Велика была моя радость, когда, приехав по заданию лаборатории института в пустыню Кызылкум отловить перевязок, я во множестве увидел на пыли дорог, на песке типичную двухчетку. Не менее велика была моя досада, когда в живоловушки, которые я расставил, попадались одни ушастые ежи. Оказалось, эта типичная кунья двухчетка — след ушастого ежа.

Исследуя местность, перевязка вдруг останавливается, приподнимает голову, осматривается и прислушивается. Если ее что-то настораживает, она становится на задние лапки столбиком, и обзор значительно увеличивается. Опасности нет — зверек продолжает свой путь. Если же его что-то пугает, он издает сердитое недовольное рычание, мех при этом на нем распушается, и перевязка пытается куда-нибудь скрыться. Когда скрыться некуда, а страх все увеличивается, она начинает рычать сильнее, задирает вверх голову, закидывает на спину распушенный хвост, выгибает дугой спину и старается подняться на всех четырех своих маленьких лапках как можно выше. Выглядит зверек в это время весьма эффектно.

Если же, несмотря на угрозы, опасность все равно приближается, перевязка прибегает к последнему средству: не меняя позы, бросается с громким пронзительным и резким криком на своего обидчика и выбрызгивает из желез, расположенных под хвостом, такой зловонный секрет, что не знаешь, куда отвер-

нуться, чтобы глотнуть чистого воздуха. Перед концом экспедиции, когда почти все, в том числе и лабораторная палатка, было уже убрано, мне пришлось вскрывать погибшую перевязку, воспользовавшись жилой палаткой, пока ее хозяева отсутствовали. Кроме всего прочего, я должен был взять немного этого зловонного секрета в отдельный пузырек для химического анализа. Пришедшие из поля и ничего не подозревавшие обитатели этой палатки, войдя в нее, начали в спешке вытаскивать наружу свои вещи и наотрез отказались ночевать даже поблизости от нее.

Точно в такой же позе, в которой зверек обороняется, перевязка, когда она благодушно настроена, любит поиграть сама с собой или со своим приятелем (другой перевязкой или человеком). Она прыгает на всех четырех лапках, как на маленьких пружинках, то вперед, то назад, то в стороны, а выражение мордочки ее становится столь довольным, проказливым и смешным, что поневоле начинаешь веселиться.

Приручаются перевязки, даже взрослые, достаточно хорошо. Когда я выпустил недавно пойманную самочку в комнату, а сам сел тихонько на диван, перевязка, изучив обстановку, принялась обследовать меня: всего обнюхала, попыталась (очень осторожно) схватить мой палец зубами, но, получив легкий щелчок по носу, отказалась от попытки потрогать меня зубами, но с явным удовольствием бегала по ногам, по рукам, плечам, голове, не обращая внимания на то, что я ее тихонько поглаживаю.

О жизни перевязок, взаимоотношениях между собой известно очень мало.

...В тот день я был дежурным по лагерю. Товарищи мои недавно разошлись по пустыне каждый по своим делам, а я наслаждался свежестью майского утра, греясь в лучах недавно взошедшего солнца и раздумывая о том, что бы этакое приготовить из вермишели на обед. От этих раздумий меня отвлекли странные, нечленораздельные крики, «двигающиеся» в направлении ко мне. Вдруг из зарослей саксаула высочился, поблескивая стеклами очков, человек, бережно держа в руках солнцезащитную панаму и крича на всю пустыню: «Перевязку поймал!» За несколько минут была сооружена клетка, и зверек был торжественно туда водворен. Примерно через час все в точности повторилось. Недалеко от места поймки первого зверька поймали еще одну перевязку. Две перевязки за один день — небывалая удача! Правда, осталась некоторая досада — не сам их

поймал. И еще — оба зверька оказались самцами.

Мытарства мои с дежурством благополучно закончились, и в течение нескольких дней я мог спокойно ходить в поле. Однажды, подходя к очередной колонии песчанок, я обратил внимание, что там, где должен был быть капкан, песок разрыт, а капкана нет. Он оказался в норе, около которой был поставлен. Я тихонько за него потянул и в ответ услышал грозное рычание. Да! Это была еще одна перевязка — самочка! Бегом я вернулся в лагерь, посадил перевязку в клетку и примерно через час был в той же колонии. Удивлению моему не было предела: на том же самом месте, в том же самом капкане опять сидела перевязка.

Парочка этих зверьков, живущая у меня в вольере, прекрасно ладит между собой, даже спят в одном убежище, хотя в вольере их избыток.

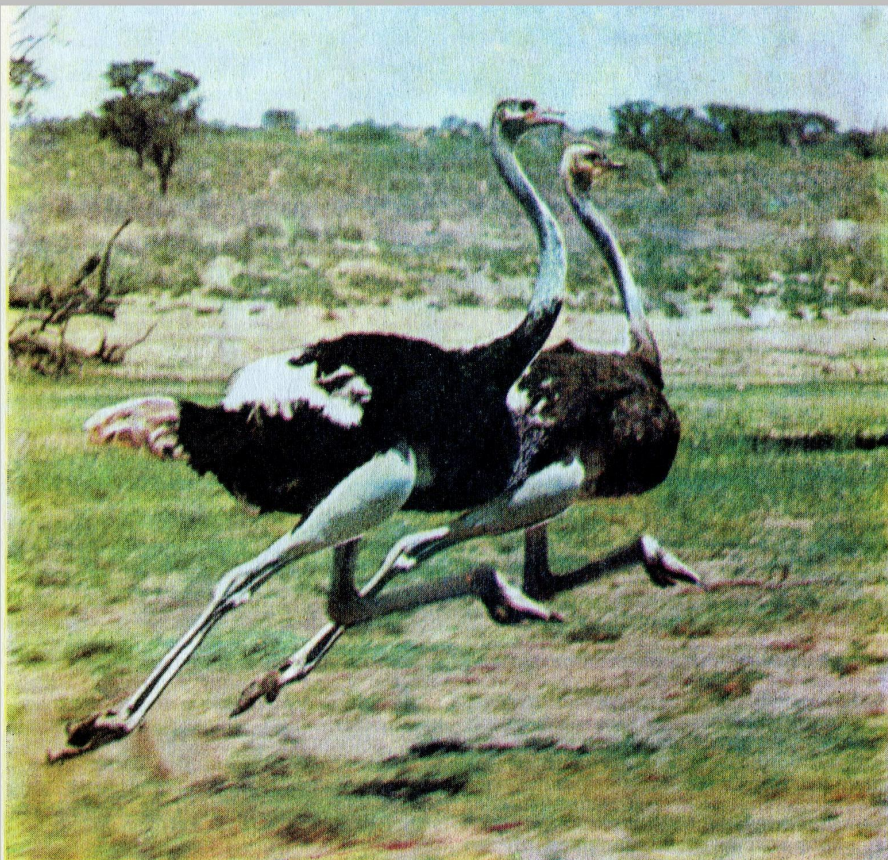
Активные перевязки, вероятно, в вечерние и утренние часы, когда жаркое южное солнце не очень сильно припекает. День перевязки проводят в норах, вырытых большими песчанками или другими пустынными грызунами. Однако и сами могут прекрасно рыть почву, чему способствуют относительно большие когти на передних лапах. Когда я посадил перевязок в вольер, они нарыли целый лабиринт ходов и весьма охотно по ним бегали.

О размножении перевязок практически

ничего не известно. Предполагают лишь, что гон у них проходит в середине лета, а щенков они приносят в марте. Одному из отечественных зоологов посчастливилось: пойманная им осенью самка в марте принесла семь малышей весом около 4 граммов каждый и длиной немногим более шести сантиметров. Благодаря этому единственному случаю рождения перевязок в неволе мы знаем теперь, как выглядят новорожденные зверьки. Щенки рождаются слепыми, уши их прижаты к голове и обращены вперед, но уже через несколько часов после рождения торчат перпендикулярно. На маленьких лапках — хорошо сформированные когти. Меха нет, лишь редкие белесые волоски покрывают все тело, голову и конечности малыша. Под ними хорошо видна сравнительно темная кожа, окраска которой совершенно четко повторяет рисунок окраски взрослых животных.

Пусть у юного натуралиста, читающего эти строки, не сложится впечатление, что перевязки многочисленны. Напротив, это довольно редкое животное. Потому и не в каждом зоопарке его увидишь, не говоря о том, что даже для зоолога, изучающего кунных, встреча с ней в природе — большая удача. Этот вид занесен в Красную книгу СССР. Вместе с тем перевязка в некоторых местах своего обитания встречается довольно часто.

В. РОЖНОВ,
Фото автора

БЫСТРЕЕ, ВЫШЕ, ДАЛЬШЕ...

Утро еще не проснулось по-настоящему. На траве и цветах сверкала, превращая солнечные лучи в радуго, роса. Воздух сохранял ночную прохладу. Тишину, пеленающую все вокруг, чаще и чаще нарушали разнообразные звуки. Они все нарастали, пока не слились в единый гул наступающего в природе трудового дня. Гул то внезапно утихал, то вновь взрывался, как овации на крупном стадионе.

В лесу, поле, городе, на море, лугу — оглянитесь вокруг! Прислушайтесь! Действительно, мы присутствуем на громадном стадионе, ареной которому служит окружающая нас природа. Каждое мгновение перед нами проходят соревнования в силе, ловкости, выносливости, дальности, скорости, метко-

сти. Настоящие Олимпийские игры! Самые массовые из всех. Поразительны упорство и настойчивость участников состязаний, постоянно повторяющих свои и чужие результаты, улучшающие и ставящие новые рекорды.

Чтобы переносить зной, холод, ветер, пургу, дождь, подниматься на большую высоту или опускаться на глубину, пробежать, проплыть, преодолеть расстояния во время переселения или поисков корма, настигнуть добычу, спастись от врага, прорасти из маленького семечка через многие сантиметры почвы, а иногда каменной или асфальта, надо быть очень сильным, выносливым, подготовленным, уметь мобилизовать все возможности, заложенные в организме. А этого нельзя достичь без систематических тренировок.

Приглядитесь к животным. Кошка, собака, корова, куры, утки, пчелы, даже мухи имеют строгий режим дня. В одно время просыпаются, играют, собирают пищу, отдыхают. Первым делом после сна — зарядка, массаж, туалет. Кошка проснулась, потянулась, попеременно вытягивая передние и задние лапы, пробежалась, попрыгала. Тщательно вылизала свою шерсть — массаж и водные процедуры одновременно. И так каждое из живых существ.

В век космической техники трудно кого-либо удивить большой скоростью. Человек постоянно открывает все новые и новые возможности, заложенные в его собственном организме. Марафонская дистанция в 42 километра 195 метров считается труднейшим испытанием для бегуна. Но, оказывается, в горах Мексики на высоте 2300 метров над уровнем моря живет индейское племя тарахумаров. Племя бегунов. Мальчики и девочки здесь начинают бегать с раннего детства. А взрослые индейцы взбегают на крутые склоны гор быстрее оленей. На своих традиционных соревнованиях — рарапиама — и участники и зрители пробегают десятки километров. Наивысший рекорд среди них зарегистрирован в 1932 году. Тарахумарец Луис Росас пробежал за 72 часа 560 километров. Тринадцать марафонских дистанций сразу! Среди животных такие достижения — обыденное дело.

Солнечный шар нехотя, а потом вдруг сразу поднялся из-за горизонта. Лучи упали на леток улья. Пчелы вяло начали выполнять. Постепенно крылышки стали чаще и чаще дрожать, напрягаться. Пчелы начали разбегаться, взмывать в воздух и вот уже исчезли в полях. Быстрота полета этих неутомимых тружеников (65 километров в час)

такая же, как скорость поезда и... зайца-русака. Возвращаясь в улей с ношей, равной трем четвертям своего веса, пчела снижает скорость лишь наполовину, а за нектаром часто приходится летать до ближайшего цветка более одного километра. И так сотни раз в день. Чтобы развить такую скорость, пчелам приходится делать по 440 взмахов в секунду.

Неподалеку можно наблюдать и других рекордсменов. Мчащаяся со скоростью 144 километра в час стрекоза коромысло, высматривая добычу, внезапно застывает на одном месте, неподвижно повиснув в воздухе, взмахивая сразу всеми четырьмя крыльями по 100 раз в секунду. Сопровождающие нас надоедливым зудом комары, норывшие на ходу виться в кожу, работают своими крохотными крылышками в 10 раз быстрее.

На островах Баренцева моря в сухой лишайниковой тундре шумными компаниями гнездятся мелкие чайки — полярные крачки. Светло-сизые сверху, с черной шапочкой на голове, с узкими длинными крыльями и вильчатым хвостом, они полетом напоминают стрекоз. Стремительно мчатся крачки над водной гладью в поисках косяка рыб. Заметили, закружились, как комары-толкунцы. Подняли пронзительный крик и одна за другой зависли в воздухе, трепеща крыльями. Затем, стремительно бросившись в воду, стремглав выныривали из волн с трепещущей добычей в клюве. Выведя птенцов, к августу они покидают колонию, направляясь через моря и океаны зимовать к Антарктиде. Так в течение года с мест зимовки на родину и обратно они преодолевают путь, равный длине экватора.

Сколько же птицы могут пролететь за день? Наш обычный скворец, все лето таскающий с огородных грядок червей и насекомых в свой домик на ближайшем дереве, успел за сутки пролететь расстояние в 1230 километров, от Куршской косы до Бельгии. Известен случай, когда сокол за это же время преодолел путь в 1700 километров. Среди птиц неутомимые спортсмены способны выполнять беспосадочные перелеты в течение 115 часов. Но и самые плохие летуны, каким считается белая трясогузка, могут находиться в пути без отдыха по 40 часов, за секунду пролетая 15 метров. Интересно, что одна и та же птица бывает стаером и спринтером. Сокол сапсан, завидя добычу, взмывает вверх, потом, сложив крылья, падает вниз, пролетая в секунду по 100 метров.

Серна.

Но все это дается животным не сразу, а после долгих и упорных тренировок. Обратите внимание, как птицы учат птенцов летать, развивая в них выносливость, настойчивость и быстроту.

Рекорды скорости животные ставят не только в воздухе, но и на земле и в воде. Много прекрасных бегунов обитает на открытых пространствах — степях, пустынях, полупустынях Африки и Азии. При малейшей опасности лишь замолкающий дробный стук копыт и легкая пелена пыли, повисшая в воздухе, напоминают, что всего мгновение назад здесь паслись антилопы. Это настоящие спринтеры! Тревога — и их поджарые тела с сухими жилистыми ногами, вытягиваясь почти в прямую, как стрелы, со скоростью 65 километров в час несутся прочь часто за 12—15 километров. Не уступает им и африканский страус, его шаг равен трем метрам. Не каждая лошадь способна догнать эту птицу, крепкие ноги которой по своей силе и приспособленности могут соперничать с лошадиным копытом.

Старые романы, записки о морских путешествиях повествуют о меч-рыбах, нападающих на корабли и пробивающих их обшивку. Возможно ли это? Корабль, плывущий по морским просторам, часто сопровождают и обгоняют морские животные. Вынырнули, взлетев в воздух, известные планеристы — летающие рыбы. Их маленькие тела, блестя на солнце, пролетев пять метров, вновь шлепаются в воду, чтобы через минуту опять начать планировать. Вот

словно плывут баттерфляем, то показываясь из воды, то исчезая в ней, дельфины. Как крейсер, распарывает острой мордой воду ни на мгновение не останавливающаяся акула. Но всем им далеко до стремительной меч-рыбы. Лишь пенные бурунчики воды, как от торпеды, указывают путь мчащейся со стокилометровой скоростью рыбы — одного из лучших морских пловцов.

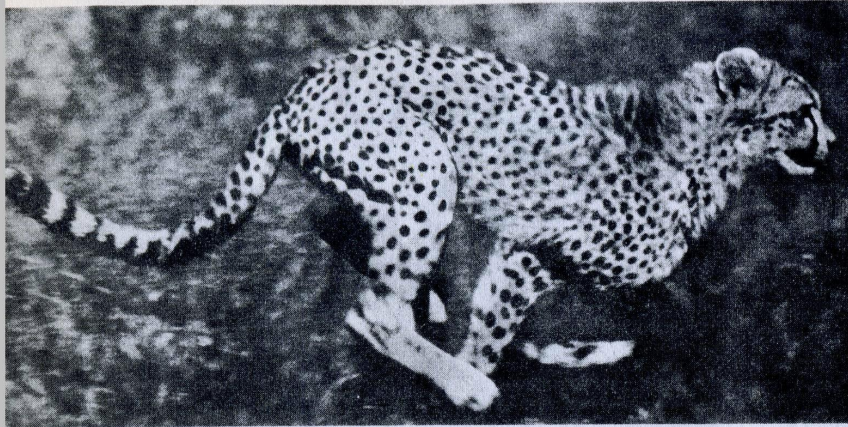
При отливе присядьте на берегу. Постепенно отступающая вода обнажает литораль, кишашую многочисленными беспозвоночными обитателями моря. Они спешат отступить вместе с водой или спрятаться в щели скал, зарослях водорослей, под камнями в ожидании прилива. Каждый торопится успеть скрыться, замаскироваться, притаиться. Морские ежи на своих иглах-ходулях в минуту пробегают по два метра. Следом за ними ползут крабы. Правда, здесь слово «ползут» вряд ли подходит. Среди крабов есть травяной краб, «ползущий» со скоростью метра в секунду. А их родственники — мелкие рачки — «скользят» в толще воды, беспрерывно взмахивая своими лапками. Вперед, вверх, вниз, вбок — попробуй уследи за ними, если некоторые в секунду делают почти 800 взмахов.

Есть среди животных стрелки, и довольно меткие.

Устья рек, бухты, мангровые заросли тропических стран населяют рыбы-брызгуны. Малайцы зовут их пла-суа, что значит рыба-тигр. Долго никто не верил в их существование, считая рассказы о

Скопа

Гепард

стрельбе этих рыб выдумкой. Лишь в начале нашего века русский ученый Н. Ф. Золотницкий подробно описал их, будучи в Сингапуре. Выбрав удобную позицию, рыба, почти вертикально повиснув в воде, выжидает свою жертву. Мгновение — и жабры захлопываются. Имеющееся на нёбе углубление в этот момент превращается в трубку, из которой вылетает в воздух на высоту 4,5 метра струя брызг, сбивающая насекомое. Промеха не бывает. Но такое мастерство приходит не сразу. Молодые рыбы долго тренируются. Прицельность струи у них вначале неточна, расстояние стрельбы в 3—4 раза меньше.

Образующие птички базары на островах и побережьях полярных стран кайры иногда летают в море за добычей за несколько километров, ныряя за ней на глубину более 50 метров. Из млекопитающих первенство в нырянии держит кашалот. Обычно в поисках головноногих моллюсков он опускается иногда на глубину более тысячи метров и может оставаться под водой до двух часов.

Оказывается, и для человека возможно покорение глубин. В декабре 1962 года газеты оповестили мир о погружении швейцарского ученого Ганса Келлера на глубину 300 метров — в пять раз большую, чем обычно опускается водолаз. Он смог пробыть там в легком водолазном снаряжении несколько минут. Добиться такого результата помогли ему тренировки и знание физиологических изменений, происходящих в организме при резком переходе на большие глубины.

Люди всегда восхищались силой. История сохранила для нас имена и подвиги силачей начиная с легендарного Геракла. При раскопках Олимпа был

обнаружен каменный брусок с углублениями для пальцев. Высеченная на нем надпись поведала, что атлет Вывон поднял его над головой одной рукой. Брусок весил 143 килограмма. В Англии в начале XVIII века прославился силач Томас Тофам. С помощью надетого на шею ремня он поднимал три бочки, каждая из которых весила по 800 килограммов. Странствующий французский силач прошлого века Роллан Беззубый поднимал лошадь с грузом более 450 килограммов. Мировую известность нашей стране принесли имена силачей и борцов Ивана Заикина, Ивана Поддубного. Волжский грузчик Иван Заикин руками разрывал цепи. Современные тяжелоатлеты стали намного сильнее их. Постоянно растут достижения штангистов.

Силачи природы даже не замечают своих успехов. Трудяга муравей каждый день таскает в свое жилище ноши, превышающие его собственный вес, преодолевая препятствия на пути.

Очень давно человек приметил силу животных и стал ее использовать в своих интересах. Лошади, быки перевозят на спине и тянут в упряжи громадные тяжести. Недаром единицей измерения силы стала лошадиная сила. Слоны в Индии, на Цейлоне заменяют временно подъемные краны, автокары, автопогрузчики, хоботом поднимают и перетаскивая огромные стволы тропических деревьев и другие тяжести.

Не отстают в своей силе от животных и растения. Всходы, корневые отростки с колоссальной мощью преодолевают все, что им мешает выйти на поверхность земли. Быстрота роста многих растений поразительна. Буквально они растут не по дням, а по часам. Побеги

бамбука в считанные часы вырастают на десятки сантиметров. Из семечка мамоны в Бразилии через несколько месяцев вырастает растение высотой более 4 метров, а плоды на нем вырастают с ананас.

Если вы когда-нибудь ловили раков, вспомните, как намертво может схватить он своей клешней за палец, когда его ищешь в норе под берегом. Немало приходится потратить усилий и попрыгать на одной ноге, пока отцепишь. А его собратья — омар, лангуст крабы. Это же настоящие силачи, способные своими клешнями разорвать щупальца осьминога. А ведь он ими раскрывает створки моллюска тридакты, в то время как человеку это не всегда удается сделать даже с помощью лома.

Отменные силачи — медведь, тигр, лев, леопард. Бурый медведь в одиночку переворачивает многотонные валуны по берегам Белого моря, чтобы полакомиться различными личинками, спрятавшимися под ними. У тигра и его крупных собратьев сила проявляется по-иному. В мощном многометровом прыжке они достигают добычу и одним ударом убивают ее. Захватив зубами и перекинув зверя через себя, утаскивают добычу в укромное место часто на большие расстояния.

Много среди животных и прыгунов в длину и высоту. Для тушканчиков и кенгуру это основной способ передвижения. Поэтому серый кенгуру делает прыжки длиной в 13,5 метра, спокойно перепрыгивая ограды фермерских полей, чтобы полакомиться посевами.

Рассказ Марка Твена — «Знаменитая скачущая лягушка» — не фантазия автора. Лягушки — одни из лучших прыгунов в мире. Например, узкоротая квакша делает прыжки в сто раз длиннее собственного тела. Прыгает без всякого шеста, лишь с помощью мышц собственных ног. Огромное число рекордсменов можно найти среди насекомых и других беспозвоночных животных.

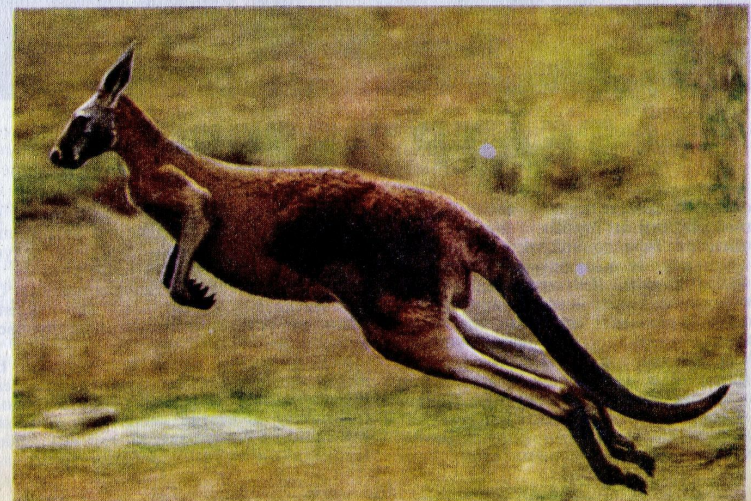
...День угасает. Наступают сумерки. На смену им приходит ночь. В разных широтах это происходит по-своему. Летняя заполярная ночь отличается от дня лишь блеклыми красками окружающих предметов. В средней полосе она подкрадывается медленно, исподтишка, теряя накал дня, как гаснет свет в зрительном зале. Южная ночь наступает сразу, будто вас накрыли покрывалом.

Однако время суток не влияет на спортивные выступления обитателей природы. Одни участники сменяются другими, теми, для которых свет звезд и даже полная темнота не помеха в их состязаниях, длящихся миллионы лет.

Судья природы — естественный отбор. Лентяям, лодырям в природе нет места. Состязания выигрывают только те, кто достиг наивысшего совершенства во всем. Победители несут славу своему роду-племени, передают достижения из поколения в поколение, каждый раз совершенствуя результаты.

В. РАХИЛИН,
кандидат географических наук

Кенгуру.

ТЕАТР ЗВЕРЕЙ

Это было в начале нашего века. На углу одной из самых старых улиц Москвы, называвшейся Божедомкой, остановился человек и замер от восхищения. Среди зелени садов и аллей Екатерининского парка, убегающих вверх покосившихся и приметных домишек «стояла» на углу сказка: два дворца, а в середине конюшня. Башенки дворцов венчали точеные чужбинные цветы и дикий птица. И он понял: на эту улицу к своему обетованному Уголку его привела мечта. И тут неожиданно из конюшни раздалось призывное ржание рысак. Две вороны вдруг сели

на перила балкона, с любопытством, безбоязненно взирая на доброго удивительно-го человека-волшебника. Это был дедушка Дуров.

Так в 1912 году во дворце принца Ольденбургского поселилась прославленная разноперо-разношерстная семья дуровских актеров.

Король шутов, но не шуток короля, Владимир Леонидович мечтал создать здесь, в Уголке, целый комплекс добра и радости. Он мечтал о театре небывалом и фантастическом — Театре зверей, где под девизом «забавляй и поучай» ребенку будут даны

первые незатейливые уроки нравственного и эстетического воспитания, мечтал о научной работе. Его мечта как эстафета передавалась из поколения в поколение. Однако маленький зал был тесен, и частенько вереницы детей, стоящих у кассы, уходили в слезах, не получив билета.

И вот оно свершилось: мечта стала явью. Глазницы окон старого Уголка наполняются теперь по утрам солнечной лазурью нового белокаменного театра, выросшего подле старых стен. Уникальный проект лауреата Государственной премии Г. Саевича вписался единым целым в островок добра, созданного дедушкой Дуровым. Пройдет немного дней, слон ножницами перережет ленточку на новой сцене, запоет петух, раздастся грубый клич фанфар, и новый столичный детский Театр зверей имени В. Л. Дурова откроет свой первый сезон.

В глубокой древности родилось это действо, похожее на волшебство, где человек всегда становится добрым магом. От сего Египта до прекрасной Византии, от величавого Рима до трепетной Греции, от Китая до Индии и, наконец, в истоках культуры нашей Родины мы находим предания о выступлениях странствующих комедиантов со своими четвероногими и пернатными друзьями. Это и были первые дрессировщики, а слово «дрессура» пришло к нам с берегов Сены, от французского «дрессер», что значит «обучать». Дрессура — еще и приручение, подготовка животных к показу трюков, где бы то ни было: на площадке служебного собаководства, в научной лаборатории, на цирковой арене.

Я знаю, ребята, как вы любите цирк! Но когда же он появился у нас, этот древний всегда удивительно молодой вид искусства? В Киевской Руси на фресках собора святой Софии (XI в.) есть изображение амфитеатра. Мы видим восторженные лица зрителей, присутствующих на своеобразном представлении. Навсегда запечатлел камень один из лучших цирковых спектаклей: здесь и музыканты, и кулачные бойцы, и тонконогие красавцы лошади, и эквилибристы с шестом, и жестокая травля диких животных. Так ярко рассказал камень. На бумаге же был передан рассказ не сказочный, а документальный: летопись деяний царя Михаила Федоровича. Там-то и упоминается первый на Руси укротитель — рязанец Григорий Иванов и его добрый лев — царь зверей, покорный человеку. Это был 1619 год.

А вот в конце XIX века на арене цирка появился удивительный клоун: он всегда выходил со своими друзьями и коллегами по работе — четвероногими и перна-

тыми. Это был Владимир Леонидович Дуров. Это потом он станет для всей детворы на свете дедушкой Дуровым, тем самым, кто разработал гуманный, безболевой метод дрессировки.

Замечательный клоун стал не только первым заслуженным артистом РСФСР в советском цирке, но и ученым-самоучкой. Пользуясь трудами академика И. П. Павлова, В. М. Бехтерева и других, В. Л. Дуров выработал собственный, дуровский, метод дрессировки. Он сводится к трем основным моментам:

«1. Надо так или иначе (однако не прибегая к болевому, механическому воздействию) заставить животное сделать необходимое вам движение или выждать, когда оно само сделает это движение.

2. Сделать так, чтобы движение было связано для животного с ощущением удовольствия, с ощущением приятного чувства.

3. Одновременно с этим движением дрессировщик дает тот или иной сигнал: звуковой (слово, свист), световой, жестикующий и т. п.»

Но кто же может пользоваться этим методом и как стать дрессировщиком? Такой вопрос мне часто задают ребята в письмах. Да, действительно, все в моей семье были дрессировщиками: дедушка В. Л. Дуров, отец — народный артист СССР Ю. В. Дуров. Начав работать на арене цирка с четырех лет, в шесть я уже считала, что стала, конечно, сложившимся дрессировщиком и артисткой.

Вместе с отцом я выходила на арену. И мне аплодировали гораздо больше, чем ему. Ведь он, прославленный народный артист, не имел такого громадного банта, как я, и не казался таким крошечным рядом со слоном. Но как-то отец меня спросил:

— Скажи, Наташа, как ты думаешь, ты уже актриса и дрессировщица?

— Да! — гордо ответила я.

— Так вот, дорогая моя дочь! Ты не артистка и не дрессировщица. Ты же сможешь читать литературу о животных! Не сможешь вести свой рабочий дневник поведения животных! И как ты подсчитаешь, сколько корма нужно дать слону и сколько мышке? Если ты не умеешь считать, все перепутаешь, отдашь слону мышиную порцию, а мышке слоновью, что произойдет? Нет, дорогая моя, отправляйся-ка ты в школу, и, когда окончишь ее, мы еще решим: сможешь ли ты стать артисткой-дрессировщицей?

Не зря отец сказал все это. Ведь с детства нужно воспитывать в себе характер. Какой? Настоящего человека, щедрого и доброжелательного, чье бурное настроение с любыми переходами от радости до гнева

никогда не сказывалось бы на наших братьях меньших. Выработать в себе с детства терпение, наблюдательность, стойкость.

Я и мои коллеги убеждены, что дрессировщиком может стать каждый, кто любит своих четвероногих и пернатых друзей. Специальной книги по дрессировке быть не может, потому что у каждого животного (даже одного вида) свой характер, свои повадки. К тому же учтите, ребята, неучам в дрессировке места нет! Дрессировщик должен знать зоологию, географию, естествознание, психологию — словом, все то, что вы проходите в школе. Начинать следует с дрессировки наиболее доступных всем животных, например, собаки, морской свинки или, скажем, вороны.

Вот некоторые из простых приемов дрессировки.

Дрессировка собаки.

Прежде чем начать дрессировку собаки, изучите ее характер и повадки. Собака должна любить своего хозяина, доверять ему, быть преданной. Дрессировщик, в свою очередь, уделяет собаке большое внимание: ухаживает за нею, гуляет с собакой, кормит ее. Если взять щенка и вырастить его, то вы увидите, как он будет понимать вас, чувствовать ваше настроение. Например, вы пришли домой из школы. У вас плохое настроение от школьных бед, вы не заметили бросившуюся к вам собаку. А собака все-таки навязчиво вертится перед вашими глазами. Вы, рассердившись, в сердцах, крикнули на нее, и собака расстроена — без вины наказана, она забивается в угол. Это повторяется один раз, другой — и собака уже не радуется встрече с вами. Она становится запуганной, угрюмой, скованной в присутствии хозяина. Неуравновешенностью своего характера, невнимательным подходом дрессировщик может испортить животное. Поэтому мы рекомендуем вам, ребята, быть всегда подтянутыми, сдержанными и не переносить на животное свое плохое настроение. Собаке устраивайте строгий режим: точное время прогулок, кормления, занятий. Занятия с собакой лучше всего проводить в часы кормления.

Как приучить собаку к месту и научить влезать на тумбу.

В руках держите кусочки мелко нарезанного лакомства (мясо, сахар). Руки находятся над тумбой. Тумба — препятствие для получения корма. Маните собаку кормом, заставляя ее поставить на тумбу передние лапы. Как только она это делает, вы даете ей кусочек лакомства. В надежде получить еще собака продолжает тянуться к вашим рукам. Вы отодвигаете их, и собака, стараясь дотянуться до корма, вскакивает на тумбу, где и получает

большое вознаграждение, подкрепленное лаской и звуковым сигналом «на место». Постепенно движение рук сокращается до еле заметных жестов. На первый план выступает звуковой сигнал «на место».

Затем дрессировщик добивается, чтобы собака привыкла сидеть на тумбе и не сходилла бы с нее без разрешения. Для этого, посадив собаку на тумбу, дрессировщик увеличивает промежуток времени между подачей лакомства. Если собака неожиданно сойдет с тумбы, дрессировщик опять заставляет ее сесть на место, но корм дает, лишь когда собака, спокойно выжидая, сидит на тумбе.

Одновременно с подачей корма дрессировщик произносит слово «сидеть». В данном случае оно является звуковым сигналом, а корм дает возможность сосредоточить внимание собаки и отвлечь ее от желания сойти с тумбы.

После нескольких репетиций собака привыкнет к сигналу, тогда дрессировщик может отходить от тумбы, свободно двигать-

ся по помещению и незаметно наблюдать за поведением собаки.

Если собака сидит на тумбе и ждет, когда он подойдет, дрессировщик дает ей подкормку.

Дрессировка морской свинки.

Реквизит: 1) флажок; 2) маленькая детская шарманка.

Морских свинок сначала приучите. Они не должны бояться ваших рук, спокойно брать из них корм. Сценку с морскими свинками показывают на столике (кстати, все мелкие артисты, будь они четвероногими или пернатыми, должны работать на специально сделанном для них столике).

Первая морская свинка поднимает флажок, как бы оповещая начало своего номера. Затем вместе со второй свинкой они продолжают показывать свое искусство. Первая свинка крутит барабанчик шарманки, а вторая танцует вальс.

После они обе направляются к двум штативам и поднимают плакатики, где написаны места обитания их диких родичей и чем свинки питаются. Плакаты свинки поднимают лишь после того, как из зрительного зала следуют ответы на заданный дрессировщиком вопрос: «Где живут морские свинки и чем они питаются?»

Дрессировка морских свинок требует кропотливой работы, усидчивости и терпения. Научить свинку танцевать вальс несложно. Делается это так же, как вы учили собаку поворачиваться на тумбе.

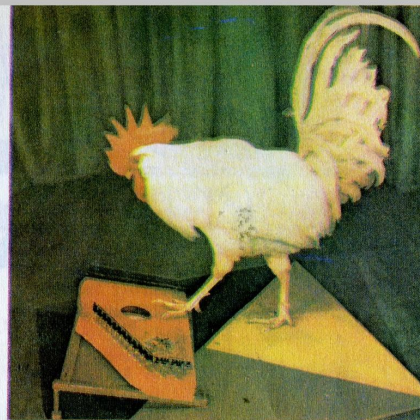
Флажок и плакаты свинка поднимает, вращая барабанчик. Научить свинку вращать барабанчик несложно. Сначала ее нужно заставить тянуться к морковке. Она приподнимется на задние лапы и обопрется передними о барабанчик, к которому вы подставили морковку. Естественно, что, опершись лапками на барабанчик, свинка начнет ими делать такие движения, как при ходьбе. Таким образом барабан и будет вращаться.

Чтобы свинки не пугались барабанчика, поставьте его в клетку. Они привыкнут к нему и не будут обращать внимания.

Репетиция с морскими свинками продолжительна. Сигнал, по которому свинка будет кружиться в вальсе, может быть звуковым (мелодия вальса), но лучше зрительным, потому что он у морских свинок вырабатывается гораздо быстрее. Зрительным сигналом может быть движение вашей руки.

Ворона считает на счетах.

Вы ставите в клетку счеты и кладете корм не только сверху, но и под них. Склеивая весь верхний корм, ворона начинает доставать его из-под счетов. Ей при этом мешают костяшки. Желая устранить помеху, она отодвигает костяшки клювом.

Постарайтесь класть корм под счеты таким образом, чтобы птица не могла его достать, не отодвинув косточки. Каждый раз, как она проделает то, что вам нужно, и достанет корм, вы еще и из рук как следует ее угощайте. На следующих уроках кладите корм так, чтобы ворона научилась отодвигать косточки и в одну и в другую сторону.

Закладывая корм, надо всякий раз делать легкое движение рукой по направлению к вороне. Со временем это станет для нее сигналом, по которому она должна начинать «работу» на счетах. Научив ворону «считать», вы тем же способом можете приучить ее разбирать клювом разноцветную пирамидку, в которую обычно играют малыши.

После того как ворона станет выполнять все номера в клетке, можно приступить к занятиям на столике, который предназначен для ее выступления на спектакле.

Первое время ее нужно лишь кормить на столике, соблюдая при этом осторожность, чтобы не напугать. Только когда она совсем привыкнет и будет спокойно сидеть на столике, ходить, есть на нем, не делая попыток улететь, можно начинать репетицию с реквизитом.

Театр зверей можно создать при школе, в пионерском лагере, во дворе любого дома, где бы он ни стоял, каким бы он ни был: бревенчатым, кирпичным, бетонным. В нем всегда живут люди, его всегда окружают голубиные стайки, звучат знакомые и привычные лай собак, мяуканье кошек. Мы хотим, чтобы везде поселилось то, что вам кажется порой волшебством, а на самом деле любовью к жизни, которая есть и в четвероногом друге, и в пернатом, и в крохотной травинке, что выбилась из трещины асфальта.

Н. ДУРОВА,
заслуженная артистка РСФСР

Фото Ю. Соколова

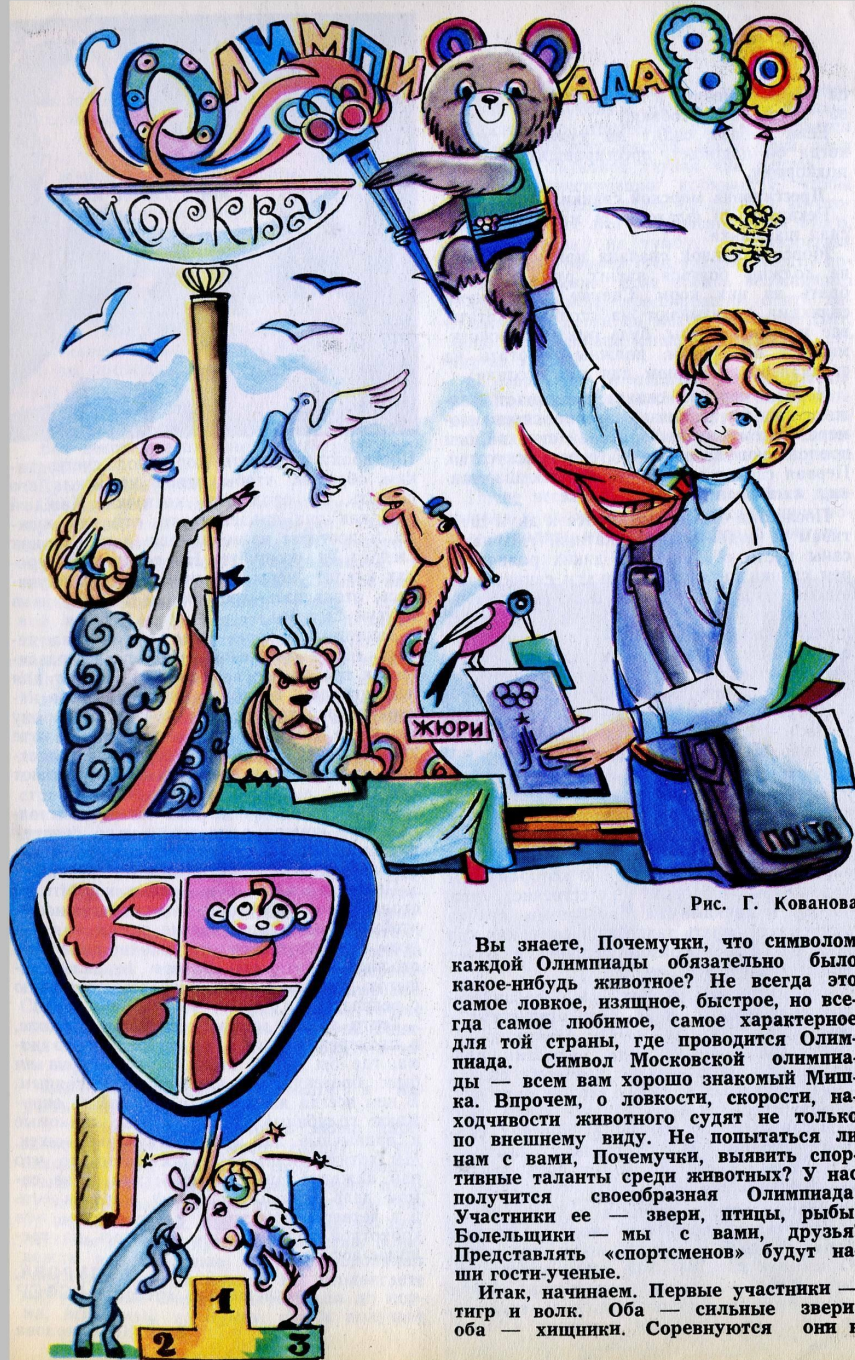

Рис. Г. Кованова

Вы знаете, Почемучки, что символом каждой Олимпиады обязательно было какое-нибудь животное? Не всегда это самое ловкое, изящное, быстрое, но всегда самое любимое, самое характерное для той страны, где проводится Олимпиада. Символ Московской олимпиады — всем вам хорошо знакомый Мишка. Впрочем, о ловкости, скорости, находчивости животного судят не только по внешнему виду. Не попытайтесь ли нам с вами, Почемучки, выявить спортивные таланты среди животных? У нас получится своеобразная Олимпиада. Участники ее — звери, птицы, рыбы. Болельщики — мы с вами, друзья! Представлять «спортсменов» будут наши гости-ученые.

Итак, начинаем. Первые участники — тигр и волк. Оба — сильные звери, оба — хищники. Соревнуются они в

беге на длинную дистанцию и в прыжках в высоту. Заранее могу сказать, что в первом случае победителем будет волк, во втором — тигр. Почему?

Послушайте нашего гостя Бориса Федоровича Сергеева.

Спринтеры и стайеры

Ждать пришлось недолго. Вскоре показался могучий изюбр. Олень несколько минут прислушивался и присматривался, прежде чем решился наконец выйти на солонец. Мы долго любовались зверем. Я уже собирался опустить бинокль, чтобы дать отдых глазам, когда мой товарищ заметил на серо-зеленом склоне противоположной сопки желтовато-бурое пятно. Это огромный тигр скрадывал оленя. Тигр дополз до небольшого валуна, последнего укрытия перед открытым пространством.

Медленно, очень медленно голова хищника показалась из-за камня. Зверь двигался так осторожно, что заметить его движение было трудно. И все-таки олень не оплошал. Услышав шум, тут же исчез в густом кустарнике. Вслед за ним словно огненно-рыжий вихрь в несколько прыжков вымахал тигр и остановился, нервно подергивая хвостом, там, где только что был олень. Постояв в нерешительности минуту-другую, зверь не спеша пошел обратно.

Удивлению моего друга не было предела. Он никак не мог понять, почему могучий хищник не преследовал свою жертву. А удивляться тут, собственно, нечему. Действительно, мышцы тигра как стальные пружины. Если зверь решит показать все, на что он способен, то легко может развить скорость 70, даже 90 километров в час. Однако такую скорость животное выдерживает 1—2, от силы 3 секунды. А дальше все — выдохся. Могучие мышцы могли бы по-прежнему работать, если бы их усиленно питали и вдоволь снабжали кислородом. А к этому организм тигра не приспособлен. У него весьма небольшое сердце. Зверь весом 250—260 килограммов имеет сердце в 1—1,2 килограмма. Вот почему тигр никогда не преследует ускользающую добычу. Обычно он нападает из засады. Гораздо реже он решается сделать бросок с дистанции 10—15 метров, а с расстояния свыше 35 метров даже очень голодный тигр никогда не пытается напасть ни на косулю, ни на оленя. Другое дело — волк. Особенно большой скорости он развить не может, зато способен долго бежать. У него от-

личное кровообращение. У зверя в 10 раз меньше тигра сердце весит 300 граммов.

И все-таки чемпионы по бегу не они. Есть зверь, развивающий скорость 110—120 километров в час. Это гепард. Марафонскую дистанцию он преодолел бы всего за 20 минут. Ну а другие звери? За какое время они прошли бы это расстояние? Вот какие интересные сведения подобрал для вас, Почемучки, Борис Федорович.

Бегуны

Можно было бы подумать, что чемпионами в беге должны быть крупные животные с длинными ногами. Ведь у них что ни шаг — несколько метров пространства пройдено. Однако прямой зависимости между размерами тела и скоростью бега нет. Самый быстрый зверь — гепард. Кроме стальных мышц, быстро бежать ему помогает гибкий позвоночник. При прыжках тело гепарда изгибается дугой.

Обычно животные-бегуны во время движения опираются лишь на кончики пальцев, иногда всего на один палец, как это происходит у лошадей, зебр, ослов. При маленькой площади опоры трение о почву невелико, и на его преодоление особых усилий затрачивать не приходится.

У крупных копытных животных массивный и малоподвижный позвоночник, что является известным недостатком. Быстро бежать им позволяет особое устройство ног. Кости голеней у них тонкие, легкие, и мышц здесь очень мало. Зато бедра массивные. Именно мышцы бедер и приводят ноги в движение.

Из четвероногих самые медлительные черепахи, при всем старании быстрее 1—1,5 километра в час они идти не могут. Еще медлительнее ленивец. Их далеко позади оставили совершенно безногие существа. Жительница Африки — ядовитая черная мамба — за час способна покрыть 10—15 километров. Среди змей и безногих ящериц у нее немало соперников.

Маленькие животные тоже мастера ставить рекорды. Крохотный тушканчик Северцова бежит совсем по-человечески на двух ногах и развивает скорость 35—40 километров в час.

Своеобразны рекорды в микромире. Малосенские восьминогие существа ростом от 0,1 до 1 миллиметра получили примечательное название — тихоходки.

Чемпионы среди тихоходок «бегают» со скоростью 1—2 миллиметра в минуту, а самые ленивые проходят за сутки всего 1—2 сантиметра пути.

Среди животных немало отличных пловцов. Ведь умение плавать — явление для них вполне обыденное. Сейчас я передаю слово Борису Сергеевичу Федорову.

Пловцы

Большинство животных, даже тех, что живут в сухих степях и пустынях и никогда не видели воды, умеют плавать. Отлично плавают мыши, кроты, ежи, куницы, кошки, слоны. Амурский тигр любит купаться. Даже зайцы при случае способны переплыть довольно широкие реки или озера, хотя в половодье и спешат забраться на любой сухой бугорок.

Умение плавать не мешает многим животным пользоваться спасательными средствами. Хомячки, оказавшись в воде, надувают защитные мешки. Моржи используют этот способ, только когда хотят вздремнуть. У спящего на воде моржа тяжелая голова перевешивает и уходит под воду. Чтобы сделать глоток воздуха, нужно каждые несколько минут просыпаться и поднимать голову. Какой уж тут сон! Усталые исполины надувают особый мешок на шее, который поддерживает голову над водой, и преспокойно спят, ни о чем не заботясь.

Но гораздо удивительнее неспособность держаться на воде. Среди амфибий есть очень интересные безногие существа — червяги, всю жизнь проводящие в земле. Самка рыбозмея, живущего в Индии и на Цейлоне, форменным образом высасывает отложенные в собственноручно вырытой галерее 10—25 крупных яиц. Вылупившимся личинкам, как и всем порядочным амфибиям, обязательно нужна вода, и малыши отправляются в ближайшую лужу или канаву. Закончив в водоеме полный цикл развития, они выходят на сушу уже вполне сухопутными существами, и, если спустя несколько дней им случается упасть в воду, они непременно утонут, так как, очутившись на суше, совершенно утрачивают способность плавать.

Вода в 800 раз более плотная среда, чем воздух. Это каждый ощущал на себе, кому случалось забрести в водоем чуть глубже, чем по щиколотку. Кажется бы, что в этой среде быстро двигаться совершенно невозможно. Однако

рыбы и морские животные подобные предположения полностью опровергают. Маленькие рыбы длиной от 10 до 40 сантиметров плавают со скоростью 2—12 километров в час. Карпы хотя и покрупнее, но тоже тихоходы. Лососи, акулы плавают быстрее — до 45, тунцы — до 90 километров в час. Парусники развивают скорость до 125—130 километров в час.

А теперь объявляются соревнования по прыжкам в длину и в высоту. Прыгают все — от гигантского кенгуру до крохотного кузнечика.

Попрыгунчики

Высоко ли может прыгнуть человек? К сожалению, не очень. Олимпийский рекорд, достигнутый на прошлых Олимпийских играх, составляет 2 метра 25 сантиметров и принадлежит польскому спортсмену Яцеку Втола. Это чуть выше человеческого роста. Если учесть, что непосредственно перед прыжком центр тяжести у человека находится на высоте 90 сантиметров, то рекорд кажется совсем мизерным. Перемахивая через планку, спортсмен на два метра поднимает ноги, а центр тяжести «подпрыгивает» от силы метра на полтора.

Крупным наземным животным тоже нечем особенно хвастаться. Чем больше весит животное, тем тяжелее ему прыгать, тем больше мышц должно быть на его ногах, чтобы оно могло высоко прыгнуть. Но мощные мышцы сами становятся дополнительным грузом. Возникает заколдованный круг.

Математический расчет позволяет предполагать, что животные, у которых отношение веса тела к весу ножных мышц одинаково, должны прыгать на ту же высоту независимо от размера.

Наблюдения показывают, что это предположение правильно. Кенгуровая крыса ростом в 40—45 сантиметров прыгает на высоту 2,5 метра, а совсем небольшое существо — галаго — способно слегка перекрыть олимпийский рекорд.

Интересно, что водные животные прыгают лучше сухопутных. Пингвины пулей вылетают из воды и, взмыв над ее поверхностью на 1—1,5 метра, ловко приземляются на крошку льда. Дельфины совершают прыжки на высоту до 7 метров.

Умеют прыгать и глубоководные рыбы. В 1959 году с борта советского исследовательского судна «Витязь» ученые наблюдали вертикальные прыжки тиритопса на высоту 2—3 метра. Видимо, редкая глубоководная рыба решила дать им возможность познакомиться с нею поближе.

Прыгать в длину значительно легче. Лошадь во время галопа совершает прыжки до 7,5 метра, это четыре длины самого прыгуна.

Особенно выдающиеся прыгуны — насекомые. Оранжевый кузнечик совершает прыжки на 40 сантиметров в высоту и на 1,5 метра в длину. Крохотная блоха ростом не более 3 миллиметров, нередко нападающая на человека, способна делать прыжки в сто с лишним раз больше длины своего тела.

Удивительные рекорды насекомых объясняются тем, что прыгуны совершают их не за счет особой силы своих мышц, а благодаря использованию принципа метательного снаряда — катапульты. У основания задних конечностей блохи находится специальная подушечка, состоящая из эластичного вещества — резилина. Приготавливаясь к прыжку, блоха поднимает задние ноги и сжимает резиллин. Затем, как при спуске курка у ружья, специальный механизм освобождает ноги, и они за счет упру-

гой силы резилина, действующего как распрямляющаяся пружина, отталкивают блоху от земли, и та стремительно взлетает вверх. Резилин, мгновенно расправляясь, способен развить гораздо большую мощность, чем мышцы, которые, действуя более медленно, вызвали его сжатие. Этим объясняется недавно решенная учеными загадка, почему мощность, развиваемая мышцами насекомых, в 10 раз выше мощности, на которую способны мышцы позвоночных животных.

А сейчас переходим к гонкам. «Бегут» улитки. Послушайте Семена Давыдовича Кустановича.

Соревнуются улитки

Слышал ли кто-нибудь про гонки улиток? Проводятся даже чемпионаты мира. На одном таком чемпионате возле испанского города Логроньо

участвовало восемь стран. На старт «вышли» 75 улиток. Победил Пеппе — испанский «бегун», или, точнее, «ползун». Дистанцию в 1 метр 20 сантиметров он прополз за 5 минут, развив среднюю скорость около 15 метров в час! «Ползун» из Франции занял второе место, так как отстал от победителя на целых 25 сантиметров.

А вот в Австралии на чемпионате улиток победитель «промчался» по тартановой дорожке длиной 182 сантиметра ровно за 19 минут.

А вот такого участника Олимпиады еще никто никогда, наверное, не видел. Бегать, плавать он не умеет, потому что он — всего-навсего... кактус. Вырос он на окие у нашей Почемучки.

Олимпийский кактус

У меня рос кактус. Кактус как кактус. Но вот совсем недавно на нем стали расти маленькие кактусята. Их выросло пять, и расположились они у основания кактуса в виде олимпийских колец. Вот как интересно! В олимпийском году у меня появился олимпийский кактус!

Светлана ТОЛСТОВА

Москва

Сейчас обратимся к теме охраны природы. Передаю слово Витольду Борисовичу Наумову, который уже бывал на наших заседаниях.

Внимание — природа!

Бродя по лесу в поисках грибов или ягод, некоторые «любители» природы не могут пройти мимо муравейника, не разворошив его купол и не полюбовавшись великим муравьиным переполохом. Многие и не подозревают, что подобные «развлечения» губительны для муравьев. Если насекомые не успеют до первого дождя отремонтировать поврежденный купол, а на ремонт требуется два-три дня, муравейник промокнет, а это смертельно для всей муравьиной семьи.

А между тем муравьи сберегают здоровье наших лесов, уничтожая массу вредных для леса насекомых.

Биологическая особенность муравьев такова, что они всегда питаются только преобладающим по численности видом насекомого. Ежедневно поедая массу размножившихся хвое- или листогрызущих насекомых, они практически ликвидируют вспышки массового размножения вредителей леса в самом их начале.

Муравьи очень часто спасают лес и от пожаров. Не знаю, многим ли приходилось наблюдать, как при встрече с огнем муравьи становятся на задние ноги и выпрыскивают на него струю жидкости. Причем все без исключения находящиеся поблизости муравьи вступают в борьбу с огнем.

Непотушенную спичку или окурок, брошенные вблизи муравейника, муравьи очень быстро гасят, разумеется, если еще не успела загореться сухая трава или лесная подстилка. Большой огонь, конечно, муравьям не погасить.

Но самый большой вред муравейникам наносят кабаны. Устраивая в них свои постели, звери полностью разрушают купол муравейника.

Чтобы спасти муравейники от кабанов, их необходимо огораживать. Эта работа совсем несложная, и вы вполне с ней справитесь. Заборчик из колючей проволоки гораздо надежнее, чем из жердей, но и огороженные жердями муравейники повреждаются значительно реже. По четырем углам муравейника ставятся столбики диаметром 10—12 сантиметров, а между ними натягиваются в пять рядов (не выше 20 сантиметров) колючая проволока, или жердочки диаметром 6 сантиметров.

Обязательно напишите нам, друзья, кто сколько огородил муравейников. Мы надеемся, что вы обязательно окажетесь надежными защитниками леса.

А теперь, друзья, постарайтесь ответить на вопросы:

Кого можно назвать морским акробатом?

г. Одесса

Женя ТУМАНОВ

Кого из животных можно считать чемпионом по слуху?

г. Омск

Оля ГРЕКОВА

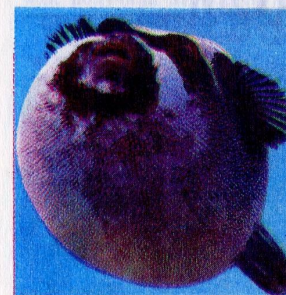
До новой встречи в августе!

Окэзыбагэса

В Красном море обитает масковый тетраодон, обладающий удивительной защитной реакцией. Испуганная рыба раздувается как шар, ошетиная шипы на чешуйках. Когда у хищников в пасти взрывается такая «бомба», ему не позавидуешь. Поэтому и врагов у рыбы-шара не так уж много. Тетраодон раздувается и во время отлива, застигнутый на мелководье, и сразу становится легче воды. Раз-

дувшийся тетраодон «убивает двух зайцев»: никто из прибрежных хищников не отваживается схватить колючий шар, а как только начинается прилив, рыбы всплывают. И, выпустив с кваканьем воздух, устремляются прочь от берега. Местные жители высушивают шары и продают как сувениры, а мальчишки гоняют их вместо мяча.

В ручьях Юго-Восточной Азии живет забавная рыбка гиринохейл. Хотя она не блещет красотой и похожа на обычного пескарика, ее очень ценят любители аквариума. Рыбка эта — специализированный «водоро-след». Складки на внутрен-

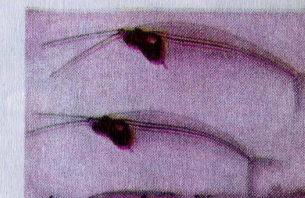
ней поверхности ее губ образуют терку. Соскребая со стенок аквариума водоросли, она содержит его в идеальной чистоте.

Живут гиринохейлы в ручьях и постоянно скребут, скребут... Недавно выяснилось, что соскребают рыбки водоросли со скоростью, равной в среднем скорости нарастания новых. В ручьях они занимают поодиночке определенную территорию, яростно прогоняя всех конкурентов со своего огорода. В грязном заросшем аквариуме гиринохейлы уживаются вместе, но как только очистят его, сильнейшая рыбка убивает всех остальных.

В бассейне реки Амазонки обитает рыба-лист, названная так за сходство с бурным прелым листом. Действительно, форма и окраска этой рыбки позволяют ей успешно скрываться среди таких листьев. Даже поведение ее способствует этому. Над дном, усыпанным бурой прошлогодней листвой, рыба

плавает... на боку. И на фоне листьев ее трудно заметить. Испуганная возле поверхности, не удирает, как другие рыбы, на глубину, а замирает, растопырив плавники, и опускается на дно, кружась подобно листочку. Наблюдения показали, что покровительственная окраска нужна рыбе-листу не столько для спасения от хищников, сколько для охоты. Осторожно, как прелый листок, скользит она к стае мальков, а потом внезапно с силой втягивает воду в рот: он у нее огромный, раздвигается в трубу, равную трети тела. В эту ловушку безобидного листика затягивается сразу несколько мальков.

Невидимки все-таки бывают. Многие животные имеют покровительственную, защитную окраску, позволяющую им скрываться от хищников. Но в ходе эволюции природа предусмотрела и такое: убрала окраску совсем. И тело животного стало прозрачным, а само животное — невидимкой для врагов. Прозрачная индийская рыбка получила название «стеклянный сом». Ее тело и вправду подобно стеклу, не видно и плавников, только глаза и внутренности темнеют бесформенным пятном. А если приглядишься, вдруг увидишь не пятно, а стройную рыбку.

РАСТЕНИЯ-ДОЛГОЖИТЕЛИ

Посмотрите на фотографии. Не правда ли, сразу и не поймешь, что это за растения. Одни из них похожи на крохотные грибки с зонтиковидной шляпкой, другие — на изящные цветы. Наконец, о третьих — оранжевых шариках на стволе гниющей березы — вообще трудно сразу что-либо сказать.

Среди всех этих растений в действительности нет ни одного цветкового. Так что же это такое? Попробуем разобраться. У всех у них есть споры, значит, растения эти споровые. Начнем с зеленых.

Фото 1 и 2. Оказывается, изображенные на них, столь непохожие друг на друга растения — экземпляры одного и того же вида маршанции многообразной, относящегося к древнейшим растениям — мохообразным. Они появились на Земле около 300 миллионов лет назад. В отличие от многих других зеленых растений у них нет корней.

Маршанция многообразная — один из видов печеночных мхов. Название свое эти мхи получили за то, что их тело-слоевище состоит из стелющихся по почве, рассеченных зеленых пластинок, на которых вырастают вертикальные зонтиковидные подставки. На них-то и развиваются споры. Маршанция — растение двудомное. На первой фотографии — женские растения, на второй — мужские. Они так непохожи друг на друга, что их трудно отнести к одному и тому же растению. И только специалисты-ботаники, проследив их развитие, установили связь между ними и назвали растение «маршанция многообразная», что впол-

не соответствует ее внешнему виду. Растет она на влажной почве, сырых камнях и скалах почти по всей территории СССР.

На фото 3 изображен мох сплахнум желтый, он уже из группы настоящих мхов, у которых имеется стебелек с мелкими листочками. У сплахнума мелкие светло-зеленые дерновинки, стебелек до 3 сантиметров длиной, а листочки всего до 5 миллиметров. На длинной ножке вырастает коробочка со спорами, окруженная как бы зонтиковидным гофрированным желтоватым воротничком. Этот мох — обитатель преимущественно северных районов нашей страны.

На фотографии 4 тоже зеленое споровое растение, обычно встречающееся на влажной почве в наших лесах, — плаун булавовидный. Плауны, как и мхи, — древнейшие обитатели нашей планеты, насчитывающие около 350 миллионов лет. У них мощно развитые стебли и очень мелкие, тесно расположенные и прижатые к стеблю листочки. Когда-то, в каменноугольный период, плауны достигали больших размеров. Их древнейшие ископаемые предки — чешуедревы — имели стволы до 30 метров высотой и 2 метров толщиной у основания. Вместе с древовидными папоротниками и хвощами они составляли основной растительный покров земли — ее древнейшие леса. Сейчас это мелкие травянистые растения, покрывающие почву в сырых лесах, на влажных лугах. Насчитывают их всего около 1000 видов, преимущественно в тропических странах. В СССР около 15 видов.

Плауны — многолетние вечнозеленые,

5

медленно растущие растения. Они нуждаются в охране. Многие из них относятся к красильным и лекарственным растениям, в том числе и плаун булавовидный.

Наконец, на фото 5 изображено тоже споровое растение, но уже не зеленое. Это миксомицет ликогала. Миксомицеты — небольшой отдел растений, очень близкий к грибам, включает всего около 500 видов. По возрасту миксомицеты не уступают мхам и плаунам. Они живут на разлагающихся растительных остатках или (реже) как паразиты на зеленых растениях. Их тело имеет вид слизистой, чаще бесцветной массы, спрятанной в гниющей древесине, отсюда и второе название — «слизевики». Позже из нее образуются мелкие, от нескольких миллиметров до 1—1,5 сантиметра, плодовые тела разной формы со спорами.

Миксомицеты не могут питаться за счет фотосинтеза, у них нет хлорофилла. Они поселяются на гниющих растительных остат-

ках и питаются готовыми органическими веществами, как грибы.

Ликогала, которую вы видите, поселилась на гниющем стволе березы. Ее очень часто можно встретить в лесу на старых пнях, различных гнилушках, а также на старых заборах, срубах колодцев. Благодаря своей яркой окраске и значительным для миксомицета размерам ликогала хорошо заметна. Ее молодые плодовые тела ярко-оранжевые, а зрелые — бурые и пылят спорами, если к ним прикоснуться. В это время ликогала очень похожа на мелкие дождевики, за которые ее часто и принимают.

Мы познакомились с растениями, которые встречаются часто, но которых подчас не замечаем, а заметив, не всегда сможем определить. А они древнейшие обитатели нашей планеты, предки царствующих ныне на Земле зеленых цветковых растений.

Л. ГАРИБОВА,
кандидат биологических наук

Вниманию участников всесоюзного конкурса и всех сборщиков дикорастущих плодов, ягод, грибов и лекарственных растений!

До конца июля постарайтесь успеть собрать цветы ромашки аптечной, ромашки душистой, василька синего, арники горной, мальвы лесной, липы сердцелистной и сердцевидной, ноготков лекарственных, глухой крапивы там, где сбор этих цветов разрешен. Собирают сейчас также траву золототысячника зонтичного, багульника болотного, анабазиса безлистного, полыни горькой, горца перечного, росянки круглолистной, хвоща полевого.

Не забудьте и о листьях крапивы двудомной, толкнянки обыкновенной. Июль — месяц сбора многих дикорастущих плодов, в том числе малины, черемухи. Собирают также споры плауна булавовидного (ликоподия). Не все хозяйственно ценные растения здесь перечислены, да и различен их ассортимент в каждом районе. Перед выходом на сбор растений обязательно посоветуйтесь с работниками Потребительской кооперации, для того чтобы точно знать, какие именно растения можно собирать в вашей местности. Новички должны обязательно получить консультацию по технике сбора растений и о том, как эти растения сушить, хранить и транспортировать. Все собранные вами ценные растения надо сдать в сохранности. Желаем вам успеха в добром деле!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЭСЫРЬЕ
ЦЕНТРОСОЮЗА

Рис. В. Прокофьева

БЕГЛЕЦ И ДОМКА

Из кабины хорошо было видно, как впереди, в кузове грузовика, высунулась из-под рогожи звериная морда с желтыми зубищами. Случайный попутчик, напуганный зверем, отпрянул к краю кузова, хотел спрыгнуть на полном ходу, но зверь опередил его, прыгнул на дорогу и как чурка покатился в канаву.

Шофер затормозил, засигналил первой машине, а я побежал ловить беглеца. Это был большой черный бобр. Обороняясь, он привстал на задние лапы и выставил вперед зубы-долота. Набросил на него плащ, прижал к земле, ухватил поудобнее и опять затолкал в клетку на машине, не зная пока, сколько еще сюрпризов преподнесет нам за дорогу этот зверь.

Мы везли бобров на таежную сибирскую речку, чтобы выпустить там для расселения. Бобров отловили в Воронежском заповеднике, в Сибирь доставили поездом, а к новым местам везли на двух машинах, а потом еще нужно было плыть и на лодках.

Каждый вечер приходилось снимать с машин тяжелые клетки, чтобы кормить и поить переселенцев. Кормежка была похожа на заготовку дров. Кроме травы и молодых веток, им приходилось давать чуть ли не по охалке осиновых дров, чтобы им было что погрызть. Без такой работы постоянно растущие зубы зверьков станут похожи на клюв у клеста: перекрестятся нижние с верхними. Бобры не смогут есть и погибнут от голода, если не отпилить им переросшие зубы ножовкой по металлу. Но дело это неприятное ни для людей, ни тем более для бобров.

Когда машины остановились на ночь у реки, бобры, чуя близкую воду, забеспокоились в клетках: вставали на задние лапы, обнюхивали углы, без конца проверяли зубами и лапками прочность досок и сетки.

Ночью у клеток стоял треск: невозможно было понять, грызут бобры осиновые палки или выгрызают стены клеток, чтобы удрать.

Бобр, который прыгал с машины, опять оторвал сетку и выбрался наружу. Но сбежать не удалось: клетки с бобрами мы расставили большим кольцом. Бобр бегал внутри этого кольца.

На другой вечер разбили лагерь возле маленькой деревушки, опять около реки. Дальше бобров надо было везти на большой лодке.

И снова беспокойная ночь: свежесть близкой воды манила зверьков. Туман дополз до клеток, с реки доносились всплески рыбы...

Уже под утро увидели, как от клеток побежал в туман бобр. Мы со сторожем кинулись к берегу, чтобы отрезать путь к воде. Добежали до реки, встали, ожидая, вот-вот увидим бобра, не дадим прорваться к воде. Но даже и не заметили его — слишком густым был туман.

Оказалось, ударил тот самый беглец, который уже не раз убежал из клетки. Он не просто прогрыз дырку, а совсем изгрыз всю заднюю стенку, и сетке не на чем стало держаться. На этот раз бобр не ошибся, не попал внутрь кольца из клеток, а выбрался с другой стороны.

Деревня проснулась, и у клеток собрались ребята посмотреть на незнакомых зверей. Девочка гнала вдоль берега корову, но увидела необычный табір и тоже подошла к клеткам. Корова как шла мерным шагом вдоль берега, так и продолжала идти. Но вдруг она дернулась, потом остановилась, вытянула морду к земле да как повернет назад — хвост палкой — и с дробным топотом помчалась в деревню!

Я пошел посмотреть, чего она так испугалась. В узкую яму из-под вытасненного из земли столба попал бобр! Из ямы торчал плоский, голый хвост беглеца. В тумане он случайно, а может быть, прячась от нас, угодил в похожую на нору яму и уже не мог выбраться из нее.

Бобра посадили в запасную клетку. Так он получил свое имя Беглец. Чтобы он опять не сбежал раньше времени, клетку поставили на самое дно лодки, а с боков и сверху загородили другими клетками.

Большая лодка, в два ряда заставленная клетками, из которой по бокам торчали весла, была похожа на старинную галеру. По тесной реке среди тайги плыть можно было только на веслах. Мотор не смог бы работать в воде, захламленной корягами и топляками.

Отплыли от деревни — и глубокая тишина окружила нас. Остались только редкие лесные звуки. Куличок, мелодично посвистывая, перелетел с берега на берег, тихонько лопотали листья осин, брызнула серебряным дождем стайка мальков, испуганная окунем, — и опять недолго спокойная, настоящая на запахах тайги тишина. Весла опускались в воду плавно, без всплеска, и не трогали эту тишину. Замокнули, замерли в клетках бобры, отдыхая от трески, от дорожной суеты. Давно уже не хватало им такого покоя.

Записки натуралиста

Весь день приходилось грести, разбирать завалы и протаскивать между ними лодку. Люди уставали и вечером чуть не замёртво валились спать. А тут еще Беглец опять преподнес сюрприз.

На ночь лодку с бобрами привязали у берега. Измученные работой люди спали в палатке на еловых лапах возле костра.

Мне в эту ночь выпало дежурить. Кругом темнела тайга. Река укрылась сырым туманом, в котором увязал лучик фонарика, едва пробиваясь до кормы лодки. Я подбрасывал дрова в костер, следил, чтобы огонь не подобрался к лапнику, на котором спали люди, поглядывал за клетками и слушал ночную тайгу.

Донеслось чавканье выдираемых из ла

ног и шум, как будто вспорхнула птица. Это лось перешел речку и стряхнул с себя воду.

На краю нашей поляны стояло сухое дерево с дуплом. В отвешах пламени из темного дупла несколько раз появлялся лик совы. Птица все не решалась вылететь. Поздно ночью она наконец мягким комом выпала из дупла и тут же замachнула себя крылом за дерево.

Вдруг на моих глазах лодка с бобрами стала медленно погружаться в воду.

— Вставайте! — закричал я. — Лодка тонет! — И схватился руками за цепь, пытаясь вытащить ее.

Только когда сбежались все, мы выдернули нос лодки на берег и стали торопливо вытаскивать из воды клетки. Работали быстро, и все бобры остались живы.

Виновником происшествия оказался все тот же Беглец. Его клетка стояла на дне в самом центре лодки и со всех сторон и сверху была заставлена другими клетками. Но бобр и там не хотел смириться с неволей. Он прогрыз пол клетки, а потом и дно лодки. В отверстие хлынула вода. Оставалось только радоваться, что это случилось у берега, а не где-нибудь посреди реки во время плавания.

Бобру и на этот раз не удалось сбежать: хлынувшая струя воды помешала ему прогрызть большое отверстие.

Когда мы добрались до места, первым делом решили избавиться от Бегльца. Но он и напоследок сумел нам досадить.

Достать бобра из клетки не так-то просто: зубищи у него страшные. Чтобы взять зверя руками, нужно быстро прижать его ладонями ко дну клетки, перебирая по спине пальцами, передвинуть руки к передним лапам, крепко взяться за них у основания и поднимать бобра. Чтобы легче держать, прижимаешь его к своему боку, а он широким, как лопата, хвостом прижимается к спине, тоже держится, боится упасть. И зубами не достанет — не может далеко повернуть короткую шею. Беглец, когда я нагнулся и прижал его руками к полу, вырвался, выгнул спину, и у меня перед глазами клацнули страшные желтые зубищи, острые, прочные, как долота.

Не скоро я решился снова открыть клетку. Но вторая попытка оказалась удачной. Бобра посадили в мешок, мешок завязали и положили в маленькую долбленую лодку, чтобы отвезти на другой берег. Все облегченно вздохнули — избавились наконец-то.

Но, оказалось, вздохнули рано. Едва долбленка отчалила от берега, мы увидели, как парень, взявшийся везти бобра, вскочил на ноги и, даже не черпанув бортом, выпрыгнул из верткой лодочки. Стенки мешка для Бегльца вовсе не были преградой. Он мигом простриг мешковину зубами и

полез к голым ногам парня. Тот не стал ждать, что будет дальше. Вслед за парнем и бобр булькнул в воду.

Сколько мы ни шарили глазами по поверхности, Беглец не показался. Под водой бобр может проплыть до семисот метров. Этот, конечно, постарался уплыть от нас подальше.

Не так бы надо выпустить бобра на новой для него реке. Положено вырыть узкую, уходящую в воду канаву, закрыть ее сверху хворостом, засыпать землей и посадить в эту искусственную нору бобра и бобреху. Первые дни они бы прятались в этой норе от опасности, а потом сами построили бы себе жилище. Но Беглец все равно сразу бы сбежал из такой норы.

Другим бобрам мы делали норы. Тайга вдоль реки была густой и невысокой, почти только из лиственных деревьев. Зеленые стволы осин чередовались с белыми березками, а иногда ивняк так плотно подступал к реке, что негде было приткнуться лодку, вылезти на берег. На просветах росла густая, высокая трава, тяжелая от избыточной щедрости напоенной рекой земли, никем не примятая и только изредка тронутая копытами или лапами крупного зверя, подходившего напиться.

Мы выпускали бобров пару за парой, все шло хорошо, как вдруг объявился бобр, вернее бобреха, которая тоже доставила нам немало хлопот. Она не стала отсиживаться в норе, в которую ее выпустили, а сразу же выбралась из нее и поплыла за нами. То с одной стороны, то с другой пыталась она забраться опять в лодку. Ее легко отталкивали веслом, но она настойчиво карабкалась, лезла через борт. Пришлось опять посадить ее в клетку. За привязанность к людям эту бобреху прозвали Домкой.

Выпустили всех бобров. Лодка с людьми повернула назад, в далекую теперь деревню, а я остался в тайге наблюдать, как бобры приживаются на новом месте.

Клетку с запертой в ней Домкой оставили на берегу. Когда лодка была за много километров от нас, я открыл дверцу и выпустил Домку, надеясь, что и с ней закончатся все заботы.

Жить я поселился в старой избушке сборщиков ягод. Бобры привыкали на новом месте: одни копали норы в берегах, другие строили хатки. Все было бы ладно, но на ближайший брусничник повадился ходить медведь. На глаза не попадался, а следы каждый день оставлял новые. Он знал, конечно, в избушке человек живет, а все равно ходил близко. Слышу однажды вечером — скребется в дверь. Я сразу ружье с гвоздя снял, держу наготове. Что-то, думаю, скребется уж очень тихо? Прижался виском к стене, заглядываю в окош-

ко наискосок и вижу: не медведь у избушки, а бобреха Домка.

Впустил ее, дал на радостях хлеба, поел. Поела она, походила по избушке, обнюхала все и принялась расчесывать шерсть — уходить совсем не собиралась. Пришлось проводить ее к реке. А она почти следом за мной вернулась и дверь зубами открыла. Я снова ее прогнал, а она опять пришла. Тогда выгнал ее и запер дверь. Домка тут же прогрызла доски в двери и опять забралась в избушку. Схватил я хворостину и, нахлестывая по земле, погнал бобреху к реке. Темно уже в тайге, а я бегу по тропе, погоняю Домку. И споткнулся вдруг, затоптал ногами, не удержался — грох! — со всего маха на землю. А Домка, бедная, перепугалась, не поняла, кто на нее так кинулся. Удрала — и не приходила больше в этот вечер.

А утром слышу — опять шебуршится. Что делать? Как ее отучить? Отстаю, думаю, прутом, как козу в огороде. Пускай живет, где надо. А то уеду, придет к кому-нибудь в избушку, напугает или, хуже того, на воротник попадет. Выдернул прут из веника, выхожу решительно. А у избушки медведь стоит! Шерсть на лапах от росы мокрая. Напугался я, конечно. Но медведь еще больше перетрусил, удрал и на бруснику с тех пор ходить забыл.

На другой год я опять плавал в те места и на розовой от утренней зари воде видел бобрят возле Домкиной хатки. Да и по всей речке, где выпускали бобров, встречались на ветках следы маленьких зубов народившихся в этих местах бобрят.

А. СЕВАСТЬЯНОВ

ИВОВЫЙ ОВРАГ

Помните картину великого художника Ивана Ивановича Шишкина «Рожь»? В поле россыпью растут сосны. Хлебам они не мешают, идут к вам как люди и ни одного колоска не затопчут.

Земляки говорили мне, что картину эту художник рисовал за городом Елабугой,

за кладбищем, у излучия дороги. Когда поспевали хлеба, я бывал там, поднимался на пологую гору. Колосилась рожь, припадала к дороге, звала погладить ее...

А сосен не было!

Сосновые боры синели по окоему. Но ни одна и малая сосенка не забежала в хлеба.

Старые люди вспоминали, что давным-давно сосны стояли в этом поле. А потом их не стало. То ли они состарились, не дали потомства, высохли на корню и люди свели их на дрова. То ли их повалило ветром, то ли приключилось еще что-нибудь. Кто знает?

Сосен не было.

А рожь и дорога остались. Я шел по этой дороге и верил: если идти долго-долго, обязательно встретишь деревья художника с веселой и лесной фамилией — Шишкин.

Как бы далеко я ни уходил, шишкинских сосен не было, а попадались овраги в поле — обрывистые, глубокие. Мне, равнинному жителю, с непривычки к высоте было боязно подходить к овражному обрыву.

Один овраг я любил из-за того, что в нем рос орешник и в иные годы давал много орехов. Начинался овраг неглубокой ложбиной. Идешь по ней, и мало-помалу слева и справа вырастают травянистые стены. И небо над тобой не круглится сводом — синей рекой течет между крутых берегов.

А ты идешь по дну этой реки и замечаешь, что небо становится ближе, синей и заманчивей.

Какие бы ветры ни шумели там, наверху, здесь, в овраге, всегда найдешь затишье — пригретый солнцем отрог, выступ или бугор, где тихо-тихо, где затаялся орешник

или ивняк или же стелется земляника. А ягоды у нее — красные с одного бока и не такие красные или совсем белые с другого — словно озябли, потому что покрыты пупырышками, как гусиной кожей. И где на солнышке обязательно греются желто-зеленые ящерицы.

Сначала я их боялся немного — не укусят ли? — а после полюбил. Хорошо мне было набрать горсть земляники, есть ее по ягоде, сладкую, хмелящую, утоляющую жажду. И слушать, как вокруг в траве шуршат ящерицы. Они привыкли ко мне, и, если я сидел неподвижно, самые смелые взбирались на мои ноги и грелись.

Я ложился и дремал — иные ящерицы подбирались к лицу, и я близко видел их таинственные, темные, глубинные глаза. Там жила осторожность, приязнь ко мне и припоминание тех времен, когда и человека-то еще не было на земле. Ящерицы, должно быть, разговаривали между собой, но их разговора я не слышал, и они мне представлялись не безгласными существами, а мудрыми молчунами, которые если и говорят, то негромко, редко и всегда дело.

Так я любил сидеть на пригравке на земляничном склоне оврага в окружении ящериц и слушать их вкрадчивые шорохи, похожие на шелестные листопада.

Тихо, тепло, хорошо.

И не одиноко.

От солнца, от полных запахов, от вольного воздуха хмелела голова. И от земляники тоже. Старожилы говорили, что здешняя земляника на самом деле хмелит, и именно поэтому Красный бор, что выше по течению Камы, в старину звали Пьяным бором.

Если земляника не утоляла жажду, я

вставал, и золотые ящерицы сыпались с меня и с потрескиванием разбегались в разные стороны, но недалеко.

Я старался не наступать на них и шел к роднику в дальний конец оврага. Бывало, родник пересыхал совсем, и о нем долго не было ни слуху ни духу. Но, случалось, и в сухое лето он по непонятным причинам бойко сочился из-под земли и не собирался иссякать. Вода в нем всегда пахла глиной — только что сложенной печкой пахла вода.

Когда проливались ливни, овраг преображался. По отрогам его кипела мутная вода, желтели и краснели водомоины. А по самому дну, переворачивая листья и палочки, ревел поток. Да так ревел, будто теперь он будет всегда и обзаведется не только течением, но и глубинами-омутами. И рыбой! Язями, голавлями, окунями.

Кем еще?

Все затихало, дымилось паром, обсыхало. Куда-то девались ящерицы. Запахи земляники и полины пропадали. Пахло потревоженной землей.

Я ходил по оврагу с охапкой ивовых прутьев, нарезанных тут же, и втыкал их в водомоины. Я знал, что ивняк приживется где угодно, была бы земля, и он ее удержит и заслонит.

Овраг был мой, и мне полюбилось лечить его. Летом он одаривал меня земляникой, осенью — орехами, в жару поил водой, как из глиняной посуды... И я одаривался. Путь ивняка — мое подарение — с ходу принимались расти, словно только и ждали этого часа, когда я их посажу в развороченную ливнем землю. Она одевалась травой и не трогалась с места. И глуше гудели ливни по задернованным отрогам, и светло роптали стебли ивняка. На другой год их и узнать было нельзя: раздавались, росли, догоняли и перегоняли меня в росте. Теперь овраг был уже не ореховым, а ивовым. Ивняку понравилось здесь, и он рос там, где я его и сажать-то не мыслил — по всем отрогам и многим крутистям.

Давно это было.

Если мерить годами, то уж и не в такой немислимой дали это было, а все-таки давно.

Как-то я побывал у ивового оврага и не узнал его. Крутых склонов и в помине не было, а был пологий лог — в ивах, орешниках, землянике и прочном травяном покрове.

Родника и ящериц не слышать, не видеть.

Куда они подевались?

Я подумал: «Тот ли овраг-то?»

Знакомый агроном сказал мне, что лог этот распахнут, засеют рожью и пшеницей. И он будет приносить пользу. А деревья

не тронут. От них тоже польза. Будут они стоять во ржи, как сосны Шишкина, грудно и россыпью идти к человеку.

И он к ним.

Я обошел обмелевший овраг, узнавал и не узнавал его отроги и ложе и попрощался с ним.

...Всю землю с одинаковой силой любить нельзя, не получится, не запомнить ее всю. Но милые моему сердцу поля, леса, луга, реки, родники и овраги и малые впадинки люблю я со жгучей силой и нежностью. Даже если знаю, что оврага или впадинки не будет — их распахнут под хлеба, — и что здесь было, люди забудут и не вспомнят.

С. РОМАНОВСКИЙ

«МОИ АКВАРИУМ»

Миша Болдуман, Москва

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Эдуард Корпачев. Песня о дереве.	1	В. Рахилин. Быстрее, выше, дальше.	22
Колосок	5	Н. Дурова. Театр зверей	28
И. Пономарев. Тайны райфского леса	8	Клуб Почемучек	32
Лесная газета	12	Оказывается	37
В. Хронов. Птичьи сообщества	16	Л. Гарибова. Растения-долгожители	38
В. Рожнов. Перевязка	19	Записки натуралиста	43

Наша обложка:
На первой странице — кошка-скрипач (фото Ю. Соколова); на четвертой — обезьяна-мотоциклист (фото М. Морозова).

НАШ АДРЕС:

Телефоны: 285-88-03,
285-89-67

ЖУРНАЛ
ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ

А-15, Новодмитровск

главный редактор А. Г. РОГОЖКИН

Редколлегия: Виноградов А. А., Клумов С. К., Маслов А. П., Мухоморов В. И., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Подтыкан В. Г., Пономарев В. А., Серебрякова Т. И., Синадская В. А., Чашарин Б. А. (ответственный секретарь), Чепурко В. И.

Научный консультант профессор, доктор биологических наук, член-корреспондент ВАСХНИЛ Е. Е. Сыроечковский.

Художественный редактор П. И. Рогачев
Технический редактор Н. Ф. Михайловская

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 06.05.80. Подписано в печать 10.06.80. А02671. Формат 70×100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 3 966 000 экз. Заказ 676. Цена 20 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушевская, 21.

МАКУШКА ЛЕТА

Ну и жарко же в эту пору! Солнце слепит глаза, стоит над лугами зыбкое марево, вода в речке такая теплая, что не хочется вылезать на берег.

И вправду макушка лета — этот приветливый июль, когда «солнце повскаричивает на зиму, а лето на жару». У него свои краски, свои неповторимые запахи и звуки. Цветет липа. Ее сильный аромат невольно останавливает дыши — не надышишься. А в развесистых кронах деревьев слышно неумолчное гудение. То жужжат пчелы. Припела неутомимым труженицам страдная пора. Ведь самым хорошим медом издавна считается липовый. Потому в старину и этот месяц лета назывался по-русски «липец». И неспроста, ведь один гектар липняка дает тонну меда.

А в лесу свои звуки — громкое ауканье грибников. Вовсю пошли грибы. Скорей в поход за боровиками и березовиками, сыроежками и лисичками! Полные кузовки и ведра крепких отменных грибов дарит людям лес в эти дни. Правда, кому что нравится. Некоторые отправляются по ягоды: за малиной и земляникой, черникой и брусникой. Словом, июль по праву называют грибным и ягодным.

Пришла пора отбивать косы. Травы на лугах по пояс. Звени, коса, пока роса. В июле издавна был в деревнях праздник первого снопа. Подходит пора уборки урожая зерновых. Вот и говорят: «Красное лето — зеленый покос».

Июль — сердце лета. И не только потому, что стоит в середине, а еще и из-за самой высокой среднемесячной температуры воздуха. Пройдет июль — и начнет спадать накал солнца, зноя, жары.

Индекс 71121
20 коп.

